

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

ВЕТЕР И СТАЛЬ

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ ТРИЛОГИИ

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Ветер и сталь. Трилогия

«ЭКСМО»

1996-1997

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бессонов А. И.

Ветер и сталь. Трилогия / А. И. Бессонов — «Эксмо»,
1996-1997 — (Мир Алекса Королева)

ISBN 978-5-04-160540-7

Такой шанс выпадает не каждому – и уж точно не каждый день. Молодой лейтенант Имперской Службы Безопасности Алекс Королев, застрявший на никчемной должности в столице, получает возможность поучаствовать в настоящем деле: легендарному полковнику Йоргу Детерингу срочно требуется специалист-ксенолог, хорошо знакомый с Рогнаром – одним из миров, заселенных людьми, когда-то «украденными» с Земли. Чтобы выполнить задание, Алекс пройдет через кровь и отчаяние, потери и возвращение к спокойной жизни – хотя бы для того, чтобы двигаться дальше...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160540-7

© Бессонов А. И., 1996-1997
© Эксмо, 1996-1997

Содержание

Ветер и сталь	6
Глава 1. Лейтенант Королев	6
Глава 2. Груз на борту	11
Глава 3. Сарабанда в ночи	16
Глава 4. Рыжеволосая аристократка	21
Глава 5. Я не умею драться...	27
Глава 6. Лети туда – не знаю, куда	31
Глава 7. Те же и железная рыба	36
Глава 8. Когти старого Танка	42
Глава 9. Мясорубка на высоте	48
Глава 10. Без союзников не обойтись	55
Глава 11. Военный совет	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Игоревич Бессонов

Ветер и сталь. Трилогия

МИР АЛЕКСЕЯ КОРОЛЁВА

Десятое издание классического цикла

Спустя двадцать пять лет после первой публикации романа

© Бессонов А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Ветер и сталь

Глава 1. Лейтенант Королев

Я зависал в баре на Кирк-роуд в компании очаровательной подружки лет двадцати, наслаждаясь ее невинной болтовней и созерцая милую грудь под тонкой тканью блузки, когда в помещение вошел крепкий дядя в форме десантного майора и принялся оглядывать столики. Вид он имел весьма боевой – на рукавах хорошо пошитого черного мундира нашивки офицера-снайпера и мастера полевой разведки, в левом ухе здоровенная серьга в форме серебряного черепа.

Быстро скользнув взглядом по полутемному залу, майор уперся глазами в меня и двинулся в нашу сторону. Я не успел даже удивиться, как верзила подошел к столику и суровым голосом спросил:

– Первый лейтенант Королев?

Черт возьми, а я-то заливал крошке, что работаю помощником режиссера на TV-Rox! Милая мордашка тут же сморщилась, и девчонка попросту исчезла.

– Слушаю вас, майор...

– Прошу вас следовать за мной.

Попрощаться я не успел. Десантник стремительно вышел на Кирк-роуд, и я, словно собачонка, рванул следом.

Прямо на тротуаре у входа в бар стоял громоздкий «Анели-Барон» с включенными фарами. Мой похититель сел за руль, я занял место рядом с ним. К тому времени я уже успел разглядеть на его рукаве пронзенный молнией щит – эмблему третьего управления – и вопросов не задавал. «Тройка» так «тройка», но на кой черт я им понадобился – офицер-ксенолог из Первого разведуправления Службы безопасности? «Тройка» занимается контрразведкой и решением весьма специфических проблем типа борьбы с пиратством, терроризмом и прочими шалостями. Я-то тут при чем? Еще оставался вопрос о странной спешке, но я оставил его на закуску.

Дядя мчался по городу с лихостью чемпиона ралли. Ему, очевидно, было глубоко чихать на то, что он выдавал 240 км вместо максимальных 150, что гарантировало неплохой штраф. А впрочем, будь я дуболомом из «тройки», я бы тоже так ездил. А уж когда я дослужусь до целого майора, я тоже куплю себе спортивную тачку самой разгильдяйской модели вроде его «Барона».

Мы проскочили парковое кольцо и ворвались в престижный Стокстон – район миллионеров и суперзвезд. Майор сбросил скорость, со свистом пронесся через пару кварталов шикарных особняков, свернул налево и затормозил.

Я оторопел. Фары выхватили из тьмы очертания древнего россианского замка в миниатюре – остроконечные башни, мрачные окна-бойницы, нависающий над входом фронтон. «Барон» въехал на территорию усадьбы и замер у центрального входа. Десантник выпрыгнул наружу. Я последовал за ним.

Мы вошли в просторный холл, отделанный кожей вперемешку с деревянными панелями. С потолка на цепях свисали витиеватые светильники, стилизованные под эпоху Сак, озаряя и без того мрачный холл своим причудливым красно-синим светом. Рядом с ведущей наверх узкой винтовой лестницей на резной костяной колонне торчал традиционный рогатый череп из играющего дьявольским огнем кроваво-красного полупрозрачного камня. Колонна, похоже, была натуральной, но если даже и нет, один черт – стилизация выглядела абсолютной, создавая ощущение, что ты находишься не посреди имперской столицы, а на Россе, в фамильном гнезде

какого-нибудь рубаки, чей род насчитывает около сотни славных воителей и теряется в глубине веков.

Я, впрочем, не успел в полной мере насладиться антикварным духом холла, так как майор молча двинулся вверх по лестнице, и я без вопросов рванул за ним.

Второй этаж выглядел столь же чужим и вычурным. Я на ходу подумал, что уж я-то точно не смог бы жить в этакой берлоге – тут не хватало лишь традиционного дракона Ри и девы Иэку, а так все было натурально. Замок просто вонял древними рыцарскими доблестями в духе Росса.

Майор распахнул высоченную, украшенную магическими рунами дверь и шагнул внутрь.

– Я привез его, полковник, – услышал я его голос.

Не знаю, кем надо быть, чтобы жить среди скопища черепов, а уж этого добра тут было в избытке, хоть оптовую торговлю открывай. Потом, конечно, я понял... Черепа торчали на верхних полках застекленных стеллажей, которые занимали две стены просторной комнаты, и это было первое, что бросалось в глаза. Черепов была чертова прорва, и ассортимент был весьма не кислый – человеческие, лидданские, росские, ортианские, леггах, фаргианские и черт его знает еще чьи. Еще можно было решить, что это обиталище завернутого антрополога, но три росских меча разных эпох, висящие на покрытой шкурой ящера сэф стене, наводили на мысль, что хозяин всего-навсего увлекается отчекриванием не в меру буйных головушек своих противников. А может, это фамильная традиция, хвост его поймет...

Я, очевидно, обалдел от этого воинственного великолепия настолько, что не сразу обратил внимание на того, к кому обращался мой майор. А когда все-таки разглядел его, удивился еще больше.

Возле низкого кожаного пуфа стоял невысокий, тщедушного вида тип в расшитой рожими рунами синей тунике. Подпоясан он был широким серебристым шарфом – символом высшей ступени Постижения Боя. Тонкая мускулистая рука, покрытая ритуальной татуировкой, держала высокий, узкий, как пробирка, резной бокал. По типу лица невозможно было определить возраст – ему могло быть и 25, и 45. По тонким губам блуждала бессмысленная ухмылка, но темные глаза смотрели живо и как-то пронзительно, словно два сверла.

– Спасибо, Эткинс. Я думаю, ты можешь ехать... – лениво произнес он и обратился ко мне: – Добрый вечер, Саша. Я должен извиниться за некоторую бестактность с моей стороны. Садись.

Я присел на такой же кожаный пуф у стены, а он тем временем плеснул мне что-то из высокой бутылки и протянул узкий бокал.

– Я полковник Йорг «Танк» Детеринг, старший офицер Оперативно-тактической службы третьего управления.

Мне все стало ясно. Передо мной стоял легендарный Танк, воитель совершенно фантастического уровня, много лет проторчавший на Россе, у Горных Мастеров, и постигший высшие таинства Боя. Живая легенда. Человек, для которого не существовало невозможного. Человек, получивший Серебряный Меч от Горных Мастеров, носителей древнего боевого искусства.

– Дело в том, Саша, что у меня возник к тебе ряд вопросов. Ты ведь нес службу на Рогнаре, верно?

Я содрогнулся. Меньше всего мне хотелось вспоминать этот проклятый Рогнар. Планета, населенная хомо, которых Айорс семь тысяч лет назад импортировали с Земли с целью колонизации. Айорс довольно быстро сгинули, а Рогнар-то остался. И люди, там живущие, до одури похожи на землян то ли конца, то ли середины XX века. Со своими бзиками, естественно.

– Да, – ответил я. – Я попал на Рогнар сразу после Академии и нес службу в миссии в течение трех лет.

– А потом подал рапорт о переводе... Почему же?

– У меня были личные причины, – мрачно произнес я. – Могу я закурить?

– Разумеется. Кури.

Танк прошелся по комнате, глотнул вина и в упор глянул мне в глаза. Взгляд его не был недобрым, нет, скорее пытающимся понять.

– У тебя был конфликт с резидентом миссии, – он не спрашивал, скорее констатировал факт, – и с тех пор ты немного засиделся в первых лейтенантах, хотя тебе давно пора быть если не майором, так хотя бы капитаном. А между тем Аверина считает тебя одним из лучших ксенологов-аналитиков. Я думаю, сложившееся положение надо менять. Мы летим на Рогнар.

– Я? С вами?!

– Ну да, – усмехнулся Танк. – В роли доверенного помощника. Не волнуйся, я тебя в обиду не дам. Чихать я хотел на резидента Экарта. Дело, увы, весьма серьезное.

Я поднял голову.

– На Рогнаре пропал мой друг, старший офицер российской СБ Яур Доридоттир. Я не верю, что он мертв. Положить человека, чей род насчитывает тридцать поколений воинов, не так-то просто. Доридоттир – Мастер Боя, причем Мастер наследственный. Это не шутки. Найти его – для меня вопрос чести. Моя проблема заключается в том, что на Рогнаре я ни разу не был. Аверина порекомендовала тебя.

Я опустил глаза.

– Черт... Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания возвращаться на Рогнар, полковник. Слишком уж тяжкие воспоминания. И не из-за этого Экарта, нет.

– Ты можешь рассказать мне. – Он опять-таки не настаивал. – Перед тобой Младший Мастер... говори.

Я и не пытался сопротивляться. Я знал, что такие, как он, могут убивать взглядом. Любой заклинатель змей – младенец рядом с Горным Мастером. Эти-то не кобр гипнотизировали, а динозавров... Я сразу ощутил теплую волну сочувствия... мне стало легче, и я начал вспоминать. Хотя я это не забывал. Ни на минуту. Я тогда уже не был мальчишкой. Рогнар – веселое место, и за два года я стал заправским мужчиной. В Либене, где находилась миссия, вспыхнула война. Наследные бароны – сюзиты – встали друг против друга в адской кутерьме, в кровавой схватке, начавшейся из-за какой-то чепухи. В руках сюзитов было сельское хозяйство, в руках свободных городов – промышленность. Города, впрочем, не вмешивались. Экарт тоже, хотя следовало бы. Через пару месяцев все это дело слегка поутихло. Я мотался по владениям сюзитов, пытаясь выяснить обстановку. Казалось, они копили силы для второго акта этой комедии. А пока с полей убрали обгорелые туши сбитых самолетов и сожженных танков... и я встретил Рене.

Рене была младшей дочерью барона Креси, на весь Либен прославившегося своим религиозным рвением. Сюзиты, в отличие от урбанистов-горожан, вообще весьма религиозны, но Креси их всех переплюнул. На Рогнаре весьма обширный пантеон, а род Креси традиционно поклонялся самому мрачному божеству – Раги. Культ Раги жесток, и в нем приняты самые разнообразные жертвоприношения, вплоть до человеческих. Трое старших дочерей Креси уже умерли на алтаре, и на очереди была Рене.

Я, конечно, всего этого не знал. В Креси меня встретил сам сюзит в компании трех старших жен и своего духовника, по совместительству – главного евнуха. Креси ни с кем не воевал. Ему было плевать на все эти разборки, ибо к своим пятидесяти годам он свихнулся окончательно и почти все время проводил в молельне, общаясь с Раги.

Креси говорил со мной недолго. Собственно, говорить нам было не о чем. Я выяснил, что в распри он влезать не собирается, и удалился.

На выезде мой транспортер едва не переехал шестиколесный скоростной автомобиль с тепловым мотором – таким увлекалась городская молодежь. Я гнал на хорошей скорости, и когда эта белая жестянка выскочила из-за рожицы мне навстречу, пришлось на полном ходу

соскочить с дороги в канаву и заклинить трансмиссию, чтобы не размесить гусеницами зеленое от посевов поле.

Для танка-транспортера прыжки по оврагам на высокой скорости – сушная ерунда, он для этого и создан, но я все же здорово психанул и с матом выбрался наружу.

Под бронированным бортом стояла миниатюрная девушка лет двадцати и в ужасе хлопала огромными серыми глазами.

– Свет неба, – поздоровался я, – офицер имперской армии Алекс Королев. А вы...

– Я... я дочь владельца Креси, – прошептала она, разглядывая мой черный мундир, –

Рене...

– Вам следует ездить более осторожно, – заметил я, – я едва не раздавил вас.

– Зря вы это сделали, – вдруг твердым голосом заявила она.

– Не понял? Зря я свернул?

– Да.

Она прислонилась спиной к пыльному борту транспортного и с некоторым восхищением оглядела меня.

– Послушайте, – небрежно начала она, – эта ваша штука умеет летать?

– Летать? Танк? – изумился я. – Разумеется, нет.

– Но у вас есть самолеты, я знаю.

– Разумеется...

– Послушайте, офицер, доставьте меня за пределы Либена. Куда угодно. Я вам хорошо заплачу.

Я оторопел.

– Но вы можете это сделать сама...

– Нет, – она сжала губы. – Не могу. Сама не могу. Поэтому я прошу вас.

Я закурил. Положение было интересное, девочка симпатичная, а главное – я подышал от скуки.

– Хозяйка, – сказал я, – но я офицер безопасности, а не транспортная контора. Что у вас случилось? Расскажите мне, я человек посторонний и никому вас не выдам.

Она испытующе поглядела мне в глаза.

– Мой папочка собирается спровадить меня туда же, куда и всех моих сестер – на алтарь Раги.

Я немного оторопел. Смерть на алтаре Раги – дело долгое и адски мучительное. Я смотрел на это светловолосое чудо, и с каждой минутой во мне нарастало желание посадить ее в рубку и рвануть через горы к границе Либена. Тот факт, что она предназначена в жертву, известен всем, и покинуть страну законным способом она не сможет. Достать поддельные документы, очевидно, тоже. Здесь это не так просто.

– Ты пробовала удрать? – наобум спросил я.

Она кивнула и поморщилась. Девочка стояла, чуть покусывая губы, и вопросительно смотрела на меня. От этого взгляда мне становилось слегка не по себе.

– Я не могу просто так выкрасть тебя, – сказал я. – Будет скандал. Нужно что-то придумать. Либен слишком мал, и ты не можешь просто исчезнуть. Жрецы Раги – они кругом, ты сама знаешь. Когда это... должно произойти?

– Когда угодно, но, наверное, скоро. Хоть завтра.

Я перекусил сигарету пополам. Она опустила голову и вдруг уткнулась лбом в борт транспортного. Плечи ее задрожали.

– Сколько тебе лет? – глухо спросила она.

– Девятнадцать, – ответил я.

– Мне тоже...

Мне надо было влезть в рубку и поехать дальше. Это было бы самое мудрое решение. Но я этого не сделал. Я подошел к ней, стянул с рук перчатки и обнял ее. Она развернулась в моих руках, уткнулась носом в карман френча и тихо заплакала. Очевидно, у нее уже не было сил давить в себе отчаяние.

Я посадил ее в машину, и мы расстались... А через две недели, устав от боли и бессилия, я поехал в Креси. Сюзит отлучился в столицу, а где была Рене – никто не знал. Я нашел ее на берегу озера, в глухом и безлюдном месте.

Едва увидев меня, она бросилась навстречу... этого я не ожидал. Мы долго сидели у воды, и она говорила с такой откровенностью, что я временами терялся.

Два месяца я встречался с ней на берегу этого озера... И однажды она не приехала.

Я мчался в поместье, не разбирая дороги. И я успел бы, но Креси умудрился с кем-то поругаться на религиозной почве... Три бомбардировщика нависли над поместьем в тот момент, когда евнух Люн упал перед алтарем, обливаясь кровью, сваленный очередью моего «скорпиона». А потом рухнула, вздувшись пламенем, кровля – и начался ад.

Я не помнил, как добрался до миссии. Вся рубка была залита моей кровью. Впрочем, мне было плевать.

Когда я пришел в себя, на меня накинулся Экарт. Он обвинял меня во всех смертных грехах – от вмешательства во внутренние дела Либена до государственной измены.

Я не мог дальше оставаться на Рогнаре.

Детеринг улыбнулся.

– Воин, в чьем сердце не живет женщина, не может быть сильным, – сказал он, снова наливая мне вина. – Но ты совершил множество ошибок. Ты был слаб и не верил в свою силу. Ты должен был сразу забрать ее и написать рапорт. Экарт ничего не смог бы сделать. Но ладно... пережитая боль делает воина сильным. Я научу тебя, как поверить в свою силу. Когда ты постигнешь это, для тебя не будет преград...

– Когда мы вылетаем, полковник? – поинтересовался я.

– Вылетаем послезавтра... ориентировку получишь от меня в устной форме во время полета. Докладывать никому не надо. С сегодняшнего дня ты числишься в операции. Так что получи задаток, как положено, и послезавтра сбор на базе «Абетц» при полном снаряжении.

Глава 2. Груз на борту

Горел бы он синим пламенем, этот Рогнар... Эта мысль вперемешку с мыслями о Рене крутилась в моей голове всю дорогу до Дезерт-Плейс. А конец был немаленький: рейсовый фотоплан, гнусаво подвывая двигателями, трясся в воздухе почти час.

Когда я вышел из помещения аэровокзала, часы показывали 14.40. До базы было от силы полчаса езды, поэтому я не спеша прогулялся вдоль аллеи возле вокзальных комплексов, потом погрузился в автотакси, набрал адрес.

Развалившись на сиденье, я расстегнул верхнюю кнопку кителя и ослабил портупею. В таком виде я и предстал перед дежурным сержантом на главном КПП. Нехилого вида дядька в ослепительно белой рубашке и шортах мельком глянул в удостоверение, отдал честь и буркнул куда-то в сторону:

– Вас ждут на восьмом пандусе.

Где находились стартовые боксы восьмого пандуса, я знал прекрасно. От КПП их отделяло километров сорок. Выйдя из стеклянного помещения, я принялся за поиски внутреннего транспорта. Как и следовало ожидать, таковой отсутствовал наглухо. Я уже собирался возвращаться в эту прозрачную будку, чтобы связаться с дежурным диспетчером, как вдруг рядом со мной, словно из воздуха, материализовался колесный транспортер открытого типа. За рулем сидела премилая девчужка в погонах флотского лейтенанта.

– А я вас жду, – проворковала она, – садитесь.

Я уже давно ничему не удивляюсь. Мне удивляться не положено по чину – для этого существуют начальники. А раздолбай, который к двадцати шести годам дослужился до первого «литера», тогда как все его однокашники в майорах ходят, должен быть невозмутим, как Будда. Такова уж моя улюбляемая доля – ни кола ни двора и по два креста на погон.

Так что я безропотно забросил в джип свой кофр и уронил обтянутую черным галифе задницу на кожаное сиденье. И началась гонка.

Восемнадцатилетняя красотка жарила так, что всю дорогу я одной рукой держался за рукоятку на панели, а второй придерживал фуражку.

Когда мои глаза выплакали годовой запас слез от таранящего их горячего воздуха, мы влетели в боксы восьмого пандуса, пропетляли в лабиринтах стартового сектора и замерли наконец под полированным бортом легкого транспортника класса «Ройял Кэмел». На моих часах было 15.45.

Меня удивила одна вещь: трюмные люки «Кэмела» были совмещены в один, словно эта пузатая жаба была предназначена для того, чтобы нести что-то ну очень громоздкое, что-то такое, что обычно носит минимум линкор. Что же? Обычный танк или даже катер типа «TR-90» поместятся в одном или пусть даже двух его трюмах. Но зачем делать из трех один, нарушая этим прочностные константы корпуса? Мои размышления были прерваны появлением шикарного открытого «Ориента» модели «Трайстар». За рулем сидела рыжеволосая красавица, а рядом мой дорогой шеф. Когда он, поцеловав почему-то не в губы, а в щечку своего дорогого шофера, вылез из машины, я аж зажмурился. Полковник Детеринг был весь в белом, как невеста, – белая рубашка, белые галифе и высокие белые сапоги. Я за всю жизнь эту форму надевал раза два – она у меня валяется где-то в глубине шкафа. Но полковник выглядел в ней шикарно. Его темные густые волосы тяжелыми волнами струились по плечам, на лице застыла наглая ухмылка. Ну просто герой кинобоевика.

– Приветствую, – протянул он руку.

– Это ваша жена? – кивнул я головой в сторону удаляющегося «Ориента».

– Жена? – удивился он. – А... нет, что ты. Это моя дочь. Уже двадцать лет, а в голове одни машины да секс... идем.

«Двадцать лет, – подумал я. – Черт, а ему ж сколько? Тридцать лет максимум... больше никогда бы не дал». В белой форме он выглядел не старше меня.

Девчушка, которая довезла меня от КПП, двинулась вперед по трапу. Детеринг последовал за ней, я замыкал процессию, волоча свой кофр.

За порогом настезь распахнутой шлюз-камеры нас встретил коренастый тип в синем комбезе с погонами майора. На его плече вместо флотской звездочки переливался крылатый череп – эмблема родной СБ, из чего я сделал вывод, что корабль принадлежит не флоту, а транспортной системе СБ.

– Майор Ройтнхольд Хесс, – держа руку у виска, четко отрекомендовался он и добавил: – Командир борта...

Танк, к изумлению моему, вдруг вытянулся в струнку, звонко клацнул высокими каблукми белых ботфортов, рука взлетела к сверкающей золотом кокарды пилотке:

– Полковник Йорг Детеринг, ваш командир.

Мне, соответственно, ничего другого не оставалось, как вытянуться во фрунт и доложить согласно уставу. Вот уж не подумал бы, что Танк – такой строевик. Надо же!

– Насколько мне известно, – со сдержанной вежливостью начал Хесс, когда мы зашагали по коридору, – вы имеете квалификацию мастер-пилота?..

– 243 боевых вылета в составе крыла «Тонрег» русского командования, – быстро ответил Детеринг. – Формальности приема управления?

– Нет, – улыбнулся Хесс, – первый пилот борта – майор Детлеф Рокар, мастер-пилот, 394 вылета.

– Рокар? – вслух удивился Танк. – Детлеф Рокар?

– Да, – в голосе Хесса скользнуло ответное удивление. – Вы его знаете?

Детеринг неопределенно покрутил рукой, и я вдруг поймал себя на мысли, что это чисто русский жест...

– Когда-то...

Мы вышли на жилую палубу.

– В хибернатор ложиться не будем, – объявил Детеринг, прежде чем отпустить меня.

Я ввалился в свою одноместную каюту, с удивлением найдя ее на уровне фрегатного люкса. Поставив в шкаф кофр, я снял с плеча объемистую сумку и первым делом переоделся в удобный черный комбинезон, не отягощенный нашивками и эполетами – мои плечи украшали лишь легкие, поблескивающие золотом погоны да неизменный крылатый череп жемчужно искрился на правом рукаве.

Я рухнул в кресло. Если честно, то Танк здорово ошибся в выборе напарника. По сравнению с ним опыта у меня ровно ноль. Две боевые операции и масса штабной работы. Да, конечно, я тренированный рейнджер – двенадцать лет Академии из кого хочешь сделают убийцу экстра-класса, но... Конечно, кто знает, какая задача стоит перед нами? Это не Альдарен, но и не курорт. Рогнар – планета со своим вывихом: вполне цивилизованный Либен и угрюмый Фарьер, тоталитарная диктатура мрачной религиозной секты Фар, вынашивающей планы завоевания планеты. Или снежные пустыни княжества Ягур, так и оставшегося в Средневековье. Но все же, все же... Все же лучше бы мы летели хоть на Альдарен, хоть к черту в зубы. Ибо на Рогнаре я всю дорогу буду жить памятью о Рене. Интересно, почему я все-таки не женился? Ведь вроде не пентюх и не урод, скорее напротив – многие женщины находят меня изящным красавцем. Да и с финансами все в порядке – Служба щедро оплачивает своих офицеров. В чем же дело? Наверное, все эти годы Рене жила во мне...

* * *

Несмотря на то, что питались мы вместе по пассажирскому наряду, то есть на час позже экипажа, и ужинал, и завтракал я в гордом одиночестве – мой дорогой шеф не считал нужным обременять себя пищей. А может, он медитировал над рунами, в соответствии с древними традициями, ища в них указания к действию, – кто знает? Я уже убедился в том, что Танк скорее росс, чем хомо. Не удивлюсь, если он вскорости придет к необходимости имплантировать себе верхние клыки строго соответствующей длины по образу и подобию русского древнего аристократа. Предки россов – ночные хищники, и хотя они сами весьма похожи на нас и внешне, и психологически, гены все же дают о себе знать. Росс невероятно древен. Первые цивилизации на Россе появились тогда, когда хомо еще обитали в пещерах. А потом – тысячелетия войн. Бесконечная, изматывающая бойня, породившая массу воинственных и по-своему благородных традиций. Благородных, ибо россы еще и раса поэтов. Основные их языки – иэури и кафарэ – невероятно сложны для хомо в силу изобилия идиом и ассоциативных полутонов. Фразу «Я хочу есть» на иэури можно произнести в сорока вариантах, и все будут иметь в чем-то различающееся значение. А уж прочувствовать весь смысловой ряд, скрытый в хитросплетении рун, змеящихся по голубому металлу древнего клинка, – извините... Незадолго до вылета, выудив из своего терминала последнюю информацию, я с оторопью выяснил, что Танк является Почетным доктором Имперской Академии Ксенологии. Вот тебе и рейнджер, однако!.. Для меня, ксенолога-аналитика, все эти древние ритуалы, пронизанные сотнями непонятных хомо интонаций, сумеречных ассоциативных рядов, – дверь за семью замками. Ибо у россов поединок – это тоже ритуал. А ритуал – это и есть жизнь. Когда россы вырвались в космос, они уже достаточно поумнели, иначе моментально завоевали бы всю Галактику. К тому же они относительно слабы в машинерии. На Россе маловато людей, предрасположенных к технике. Хотя и у них есть гениальные инженеры, ведь недаром их технологии в области материаловедения, ведущие свой корень от оружейников седой старины, вызвали шок у наших при первых контактах. Они многое позаимствовали у нас, мы – у них. К примеру, мимикрирующая ткань моего снаряжения, так же как биоброня, – разработки Росса. Еще сотни лет назад их мастера научились создавать состав, полностью копирующий свойства хамелеоновой шкуры. Но зато «мозг», который находится в моем шлеме и управляет всей этой ерундой, и отдельная АСУ в поясе могли быть созданы только в Империи. В области прикладной математики и промышленной физики мы впереди всех. Лидданы, к примеру, сильны в области высоких энергий и вообще иррегулярных математик, но их коммутативные мыслящие системы смешны рядом с нашими...

После завтрака я решил все же таки проверить: а что, собственно, покоится в нашем трюме? С этой мыслью я двинулся вниз, в толстое лягушачье брюхо «Кэмела». Миновав генераторные отсеки, я вошел в узкий коридор нижней палубы и лицом к лицу столкнулся со вчерашней своей провожатой.

– Э-ээ, лейтенант, – обратился я, – вы не знаете, как найти суперкарго борта? Дело в том, что мне хотелось бы осмотреть несомый бортом груз...

– Конечно, – улыбнулась она. – Он ведь ваш, верно? А суперкарго – это я. Идемте, я проведу вас.

Представиться она, очевидно, не сочла нужным. Мы двинулись по коридору и через десяток метров встали у массивной бронедвери. Повинуясь нажатию сенсора, дверь ухнула вниз. Мы шагнули в трюм. Вспыхнул свет, и я слегка обалдел.

«TR-160» «Тандерберд»! Я видел его только на экране, это невероятное порождение фирмы «Кент», настолько сложное, что их всего выпустили около десятка – для Империи и для Росса. Так вот зачем понадобилось переделывать трюм!

«TR-160» мог унести в себе только десантный корабль – именно его отсека хватило бы, чтобы вместить это смертоносное чудовище. Катер был огромен – я знал, что в его транспортной деке покоится «ТТТ» – тяжелый танк-транспортёр, – и изумительно красив в своей хищной всепокрушающей мощи. Длиной метров в шестьдесят, шириной в сорок, он походил на чудовищного ската, лишь огромные плавники двух атмосферных килей нарушали целостность ассоциации. «TR-160» не являлся сугубо десантным катером, да и не нужны десанникам такие монстры. Нет, его делали специально для рейнджеров, и он, как я знал, обладал огромными возможностями. Он мог действовать в широчайшем спектре атмосфер, садиться где угодно, взлетать из-под воды, мимикрировать и обеспечивать экипажу высшую степень защиты от внешних условий и целого ряда вооружений вплоть до противокорабельной ракеты. Мощнейшие моторы легко могли вынести его из любой бури и разогнать до колоссальной скорости. Атмосферные возмущения влияли на него не больше, чем на линкор. Да, собственно, это и был мини-линкор, предназначенный для действия не только в космосе, но и в различных атмосферах. Что касается вооружения, то парочка «Тандербердов» могла сжечь и обратить в радиоактивный пепел весь Либен.

С чувством легкого ошизения я вернулся в каюту. Но не успел я лечь на диван, как записал интерком. Шеф вызывал к себе.

Войдя в его каюту, я застал там его самого, облаченного в синий халат, в компании невысокого, худого, как щепка, человека в комбезе с погонами майора.

– Майор Детлеф Рокар, – представил его Танк, – мой старый... соратник. Садись...

Я уселся на бархатный диван. Детеринг протянул мне пластиковую упаковку пива и ухмыльнулся.

– Итак, – начал он, – приступим. Наша задача – отыскать русского офицера Яура Доридоттира, исчезнувшего на Рогнаре. Последнее сообщение от него пришло месяц назад. Предположение о его гибели я исключаю. Вывод: он находится в плену в чьих-то руках и не в состоянии позвать на помощь. Отсюда – вопрос к тебе: какие силы на планете могут быть заинтересованы в приобретении могучего воина?

– Фариер, – не раздумывая, ответил я. – Но каким образом можно использовать воина без его согласия?

– Возможна сделка, – шевельнул плечами Танк. – Скажем, он какое-то время готовит их силы, а они по истечении этого срока доставляют его в миссию. А вообще-то, если честно, вся эта фишка имеет кой-какой дурной запах.

– Не понял.

Детеринг усмехнулся и раскупорил зубами новый пакет пива.

– Дело в том, что Доридоттир полетел на Рогнар не на прогулку. Не так давно возникло подозрение, что к планете кто-то проявляет повышенный интерес: то ли леггах, то ли какие-то пираты. А благодаря Экарту Рогнар превратился в проходной двор – туда теоретически может сесть любой корабль, так как Экарт почти не ведет слежения за системой.

– Для меня ясно одно, – сказал я, – Фариер упорно готовится к широкомасштабной войне с целью установления тотального контроля над большей частью планеты.

– Все-таки странно, – неожиданно подал голос Рокар, – почему Яур молчит? Неужели им удалось его положить?

Детеринг покачал головой.

– Он не искал в Фарииере. Он начал поиски в горах Ягура. Но какого рожна? Все это достаточно странно.

Полковник потер узкий подбородок и посмотрел на пилота.

– Что могло задержать его на планете?

– Я могу представить себе следующую ситуацию, – задумчиво произнес Рокар. – Кто-то намерен захватить планету изнутри чужими руками. Яур же пытается противостоять этому. В известной степени этим объясняется его молчание.

– Да, – кивнул Детеринг, – в известной степени, это точно... Он не может привлечь организованные внешние силы – это будет называться вмешательством, особенно в случае отсутствия прямых доказательств... А такое может быть. Скажем, у кого-то появилась партия современного вооружения – а откуда? Все это так – улики... Наши козлы-пацифисты тотчас поднимут вой о вмешательстве в дела человеческой планеты, а? И он ждет, что рано или поздно кто-то из его ахуров придет на зов...

«Ахур» – понятие весьма емкое. Его можно расшифровать как «младший брат», «соратник, защищающий спину», а дословно – «побратим короткого меча». В случае, если ясаи – то есть старший побратим – попадает в беду, его ахур, тот, кто в данный момент находится к нему ближе всех, приходит на помощь. Если его постигает неудача, наступает очередь следующего. Ясаи, в свой черед, служит наставником своим ахурам и в случае необходимости отвечает за защиту любого из них. Это древнейшая русская традиция, имеющая некоторое распространение и поныне, правда, в чисто ритуальном смысле. Детеринг, однако же, относился к ритуалам с серьезностью древнего рыцаря.

– Ты можешь оказаться в сложной ситуации, – тревожно проронил Рокар.

Детеринг кивнул.

– Сложной – да, но не критической. Доридоттир шел в разведку и был готов к ней. Я иду в бой и готов к бою.

Он выпрямился в кресле.

– Я готов принять любой поединок!

Рокар блеснул глазами.

– Мне жаль, что я не могу быть с тобой.

Детеринг взмахнул своей роскошной гривой и улыбнулся.

– Ты будешь рядом – этого достаточно...

Глава 3. Сарабанда в ночи

Трюмные щиты исчезли в полостях бронированного брюха «Кэмела». Детеринг захлопнул забрало шлема и качнул рукой штурвал. Серая махина «Тандерберда» поднялась над полом и медленно выползла в пустоту.

Взревели моторы, и мы нырнули в голубоватое марево атмосферы. Катер шел по спирали, приближаясь к линии терминатора, чтобы опуститься в Фариере ночью.

Детеринг не говорил ни слова. Его длинные ладони, затянутые в черные бронированные перчатки, почти расслабленно лежали на штурвале.

Проклятье! Как я не хотел сюда лететь! Здесь каждый камень будет напоминать мне события шестилетней давности. И сейчас, глядя на плывущую по экранам картину безлюдных горных цепей востока Фариера, я изо всех сил пытался отогнать назойливо лезущие в голову воспоминания.

– Внимание, – голос Детеринга, холодный как лед, хлестнул по нервам, – лагерь Мокуб – мы верно идем?

Я глянул на пылающую карту местности.

– Да, Танк... По крайней мере, шесть лет назад он был именно здесь, у поворота реки Эр.

Детеринг промолчал; тонкие руки уверенно вывернули штурвал, и катер лег на иной курс – мы пошли по дуге, заходя к лагерю с северо-востока. На экране мелькнула залитая светом двух спутников Рогнара холмистая лесостепь, сменившаяся унылым пейзажем необъятных заболоченных озер.

Глухо фыркнули двигатели: «Тандерберд», резко сбросив скорость, пошел на снижение. Под плоским брюхом поплыли тускло поблескивающие в неверном свете двух лун мертвые зеркала болот, перемежающиеся поросшими кустарником островками.

Над одной из таких проплешин Детеринг и вывесил махину катера. Раздался хлопок: это «выстрелили» из его днища мощные опоры шасси, и «TR-160» мягко опустился на сырую почву. Танк снял руки со штурвала, отщелкнул замок привязных ремней и выбрался из кресла.

– Ну, пошли, – сказал он. – Вылезай...

Я отвалил тонкую плиту атмосферного створа. Когда шипение торсионов утихло, в кабину ворвались нудная песня осеннего ветра, сумрачный шум кустарника, всплески воды, потустороннее уханье какого-то ночного жителя этих мрачных мест – во всех этих звуках, переплетающихся в пугающе чужеродную гамму, было что-то нереальное, что-то от ночного кошмара.

В транспортном деке взрыкнул танк. Я передернул плечами, понимая, что ждать дальше нечего, и прыгнул вниз. Изогнутая плита двери, издав змеиное шипение, со смачным чмоком опустилась, отрезая пути к отступлению.

Я огляделся и на всякий случай вынул из набедренных петель свой «Эйхлер», способный испепелить слона, если в том возникнет нужда. Окрестности были залиты мертвящим бледным светом: Фофаг стоял совсем низко над горизонтом, но Лассиг еще висел почти в зените, здоровенное шербатое блюдо гнойно-желтого цвета.

Со стороны кормы раздалось негромкое басовитое жужжание, захлопала сырость под широкими стальными траками, и неожиданно на меня надвинулась едва различимая в призрачном полумраке громадина танка. Я нырнул в распахнутый люк ходовой рубки и не успел усестись в правом кресле, как гусеничный монстр качнулся и упруго прыгнул вперед. Семидесятитонная громада, глухо взрыкивая двумя двигателями, взметая фонтаны брызг из-под гусениц, мчалась по болоту, то взлетая носом вверх на кочках, то глубоко проваливаясь в топких озерах зловонной жижи. Меня мотало, как на качелях, изображение на экране то и дело прыгало, но Детеринг совершенно не обращал внимания на подобные мелочи. Он сидел с откры-

тым забралом шлема и внимательно вглядывался в экран, на котором вырисовывался далекий еще берег реки Эр. Минут через десять мы выскочили из болот, теперь под гусеницы бронированного хищника мчалась сырая от осенних дождей плоская степь, поросшая высокой желтеющей травой. Шеф увеличил скорость: мы шли около 160 км в час, мелко подрагивая от неровностей почвы. Детеринг переключил сканер: на экране вспыхнула карта местности и на ней – быстро ползущая яркая точка, наш транспортер. Честно говоря, сама идея – пробраться в лагерь Мокуб и захватить кого-либо из старших офицеров для допроса – мне не очень-то нравилась. Мокуб – это один из крупнейших учебных центров Фарьерской армии, здесь идет подготовка монахов-рекрутов. Уровень ее весьма далек от идеала, но монахи в основном фанатики, смерть для них – высшее счастье, и дерутся они яростно. Все это я объяснил Детерингу за два дня до высадки, когда мы разрабатывали план наших первичных действий. Шеф лишь скептически усмехнулся. Сейчас, глядя на его спокойное лицо, на поджарую фигуру в полном снаряжении, я начал чувствовать, как ощущение непробиваемой уверенности, излучаемое его обманчиво расслабленным обликом, передается мне.

Мы тем временем выскочили к пологому берегу могучей реки Эр. Влекомые стремительным течением, ее воды мчались на восток, сверкая в свете двух лун. Детеринг остановил танк, затем осторожно придавил акселератор и тихо, почти без всплесков ввел машину в воду. В корме хрипло заговорили мощные водометы. Многотонная туша танка стремительно двинулась вперед, рассекая волны хищным бронированным носом.

Через пару минут транспортер выбрался на противоположный берег, победно взревел моторами и начал подниматься по довольно крутому склону, выбрасывая из-под траков фонтаны жидкой грязи. Я в очередной раз изумился невероятной мощи нашего «ТТТ» – семьдесят тонн брони, металла и пластика легко двигались по подъему, на котором увяз бы любой здешний вездеход весом в тонну. Всесокрушающая мощь имперской техники всегда приводила меня в состояние благоговейного трепета. Собственно говоря, именно высокий уровень машинерии и помог нам добиться прочного положения в Галактике. Он, да еще и полнейшее презрение к смерти...

Танк выбрался на равнину, и перед нашими глазами предстала картина лагеря Мокуб. До колючих проволочных спиралей было километра два. Дальше, за ними, простирались унылые ряды спящих одноэтажных барачков, решетчатые башенки караульных постов, сооружения учебных площадок...

Детеринг хмыкнул и выключил двигатели.

– Вперед, – скомандовал он, – только не вздумай стрелять.

Я выпрыгнул наружу. Следом за мной на землю упруго, без единого шороха приземлилось сухое тело Танка. Он едва заметно шевельнул плечом и легко побежал в сторону лагеря. Снаряжение мимикрировало, и уже в двух шагах контуры его фигуры были совершенно неразличимы – лишь едва заметное движущееся темное пятно.

Он мчался на приличной скорости, не прилагая к этому никаких усилий и совершенно бесшумно. Я несся следом с мыслью о том, что моя физподготовка находится далеко не на желаемом уровне.

В пяти шагах от колючки мы остановились. Детеринг попробовал, как ходит в ножнах висящий за спиной древний россианский клинок, пригнулся и каким-то невероятным способом просочился сквозь витки колючей спирали. Я озадаченно последовал за ним и тотчас же увяз.

– Спокойней, – услышал я в шлеме его ироничный голос. – Разведи ее руками.

С третьей попытки я освободился из плена и, проклиная все на свете, выбрался на свободу.

– Идем, – сказал шеф. – Кажется, я заметил офицерский барак.

Мягко, словно кошка, он двинулся вперед. Обогнув два ряда казарм, мы вышли к довольно приятному двухэтажному строению. Детеринг хмыкнул: возле освещенного плафона входа сонно переговаривались двое часовых в желтых балахонах. Они стояли спиной к нам, но нас разделяло метров пять.

– Твой правый, – едва слышно проскрипел Танк. – Пошел.

Я вылетел из-за угла как ракета, но он оказался еще быстрее – пока я успел в прыжке дотянуться до парня левой ногой, рядом со мной пронзительной вспышкой блеснула голубоватая молния длинного клинка, и фигура в желтом оказалась разрублена от горла до паха – и все так же абсолютно бесшумно. Мой клиент, получив некий удар в затылок, со слабым стоном опустился на землю, угодив лицом точно в кучу кишок своего напарника, и затих.

– Здесь, – коротко приказал Детеринг, махнув рукой, и исчез в дверях, по-прежнему сжимая в правой руке меч.

Я уже научился понимать его без лишних слов и потому безропотно остался караулить вход. Шеф появился меньше чем через минуту, толкая перед собой худощавого мужчину в розовой хламиде. Мужчина мотал головой, едва слышно мычал и дико вращал глазами. Он был не просто связан, а до пояса опутан, как египетская мумия – Танк оставил ему свободными лишь ноги. Во рту пленника торчал кляп.

Детеринг легонько хлопнул «языка» по загривку, и мы бросились обратно. Однако нам не повезло. В момент пересечения колючки клиент истерически замычал. Шеф, конечно же, тотчас успокоил его легким ударом по затылку, но вопль худощавого был услышан. На ближайшей к нам вышке вспыхнул прожектор и со второго прохода нащупал нас. Детеринг с пленным офицером были уже на той стороне, а я опять увяз.

Прожектор, естественно, горел очень недолго – очередь из «Эйхлера» снесла и его, и вышку. Но с соседних разом заговорили пулеметы. Оглянувшись, я увидел, как Детеринг с грузом на спине стремительно тает во тьме. Пулеметы тем временем пристрелялись, и вокруг меня зачмокали пули.

Я рывками выбрался из колючки и выстрелил «лампу», чтобы дезориентировать этих идиотов. Ракета взлетела метров на сорок и начала опускаться, заливая окрестности своим нестерпимо ярким голубым светом, а я вжался в землю и принялся методично сбивать пулеметные вышки. Курятники с пулеметами картинно разлетались в клочья от моих попаданий. Несмотря на то, что эти горе-вояки изо всех сил лупили в нее, «лампа» продолжала висеть как ни в чем не бывало. Наконец какой-то снайпер ухитрился-таки попасть. Все кругом погрузилось во тьму.

Откуда-то из-за барачков появились мечущиеся желтые фигуры, беспорядочно стреляющие куда попало, но прожекторов они уже не зажигали. Кто-то из пулеметчиков указал роем светящихся пуль мое местонахождение, и после третьего щелчка по шлему я решил, что представление становится интересным. Я откатился в сторону, наблюдая, как солдатики упражняются в стрельбе по пустому месту, и взял на пушку не в меру ретивого пулеметчика, но ночное шоу было прервано появлением моего дорогого шефа, который вышел на сцену, словно Зевс-громовержец – транспортер истерически плевался чуть не половиной бортового оружия, снося и вышки, и бараки вместе с храбрыми воителями пресветлого Фара. Детеринг, очевидно, настроил баллистический компьютер на полное поражение наземных целей, потому что пушки не просто колбасили куда бог на душу положит, а деловито елозили в портах, поражая то вышки, то скопления солдат. Я и не думал, что у шефа хватит юмора устроить парням такой сногшибательный – в буквальном смысле, разумеется – концерт, да еще и с бесплатным приложением в виде легкого фейерверка. Орлы, вероятно, были на гребне экстаза, ведь жрецы с мамкиной сиськи твердили им, что смерть – высшая милость пресветлого, будь он неладен, Фара.

Я нырнул в распахнувшийся люк, и занавес опустился, оставив в зрительном зале гору умочаленных трупов и пару жизнерадостно полыхающих барачков.

Транспортер развернулся и понесся к реке. Я устроился поудобнее в кресле, поминая добрым словом караульные пулеметы – пули у них были размером с сосиску, и тело болело от многочисленных попаданий. Не будь на мне брони, от меня осталось бы мокрое место. За спиной скрючился все еще бесчувственный пленник.

– Тебе здорово досталось? – поинтересовался Детеринг.

– Ощутимо, – вяло ответил я.

Он хмыкнул.

Прибыв на борт «Тандерберда», я последовал его совету, заглотал капсулу троминала и рухнул на диван в салоне. Шеф растолкал меня около полудня. Троминал подействовал – я чувствовал себя великолепно.

– Подкрепиться мы думаем? – поинтересовался Танк.

Я кивнул и бодро спрыгнул с дивана.

– Тут рядом бродит один пассажир, – сообщил шеф, – на вид он вроде съедобный. А ну глянь – местные его едят?

Я включил круговой обзор и от изумления уронил челюсть. Вместо грязно-серой равнины вокруг нас неровными призрачными силуэтами торчали белые клыки скал. Катер стоял на крохотной заснеженной площадке, которая с трех сторон была окружена сверкающими на солнце белыми склонами, а с четвертой заканчивалась бездонной пропастью. Пилотское искусство Детеринга казалось невероятным.

Метрах в пяти от правого борта встревоженно нюхал воздух здоровенный валук – крупное всеядное млекопитающее, покрытое косматой белой шерстью. Его заячьи уши настороженно шевелились, прислушиваясь к чуждому этой ледяной стране шипению венчика антенны сонарных систем.

– Ну, насколько я знаю, мясо валука – вполне съедобно, хотя шкура ценится выше, – сказал я, – а вы что, решили поохотиться?

Детеринг окинул меня быстрым взглядом.

– Ты думаешь, приятно жрать дерьмо из боевого рациона? И вообще, ты считаешь, что мы сюда на два дня прилетели? Концентраты надо беречь.

С этими словами он подхватил висевший на спинке кресла меч в ножнах, даже не потрудившись пристроить его на сложное перекрестье ремней перевязи, и исчез в двери десантного дока, чтобы выбраться с левого борта.

Через минуту он появился на экранах. Валук, заметив чужака, прижал свои смешные уши, захрипел и, оскалив пасть, обнажил длинные желтые клыки. Детеринг совершенно беспечно приближался к косматому гиганту, держа в правой руке голубовато сверкающий клинок с лучеобразными ответвлениями под витиевато исполненной гардой, а в левой – простые тускло-серые ножны. Честно говоря, у меня не хватило бы духу идти на эту громадину с ножиком, пусть и длинным. Но на то я и есть офицер-ксенолог с покореженным послужным списком, а он – старший офицер среди лучших убийц Галактики. Такие, как он – а их на всю Империю наберется едва взвод, – полковники с трижды генеральской властью и привилегиями. Звание для них не имеет значения. Они могут все или почти все. Один такой полковник стоит целого планетарно-десантного корпуса, хотя там тоже мальчишки неслабые. И там тоже есть штурмовые легионы и отдельные дивизионы полевой разведки. Но дело в том, что группа рейнджеров за несколько часов сможет полностью парализовать все действия этого корпуса, а потом стереть его в порошок. Меня двенадцать лет мучили в Академии оперативных кадров СБ, и я видел, что вытворяют будущие рейнджеры. Нам, конечно, тоже доставалось не кисло. Любой из нас может выдержать многодневный марш в самых невероятных условиях, может разорвать голыми руками сторожевого пса, ни один боксер-профессионал не продержится про-

тив любого из нас и минуты, но это все игрушки. Игрушки – по сравнению с тем, что творят рейнджеры. Полевая подготовка идет у них все двенадцать лет, и семнадцатилетний лейтенант – совершенный боевой механизм, готовый к выполнению задачи в любой точке Галактики. Он может действовать в абсолютно незнакомых условиях. Его объем знаний кажется невозможным. Он лазит по скалам без альпинистского снаряжения, как муха. Он ныряет и плавает, как древний ловец жемчуга. Он стремителен и невидим. Он хитрее любого зверя. Он неуловим и смертоносен. Он способен адаптироваться к любой планете, двенадцать лет его приучали к многократно увеличенной или уменьшенной гравитации и разреженной или, наоборот, слишком густой атмосфере – на пределе возможностей и адаптивных способностей организма, а они у terra homo очень велики.

Совершенный воин не может быть тупым механизмом. Поэтому курс «История Цивилизации» тоже идет у них все двенадцать лет. Конечно, их не терзали кошмары в виде общей теории культурных спиралей или развернутого курса гуманоидной психологии. Хотя и они долбили все эти «Введения в аналитическую ксенологию». И знают они по два-три языка как минимум. Но у них была своя задача. У нас – своя. И мы друг другу не завидовали.

Словом – предел возможностей Детеринга находился за пределами моего воображения. Рейнджер, попавший на Росс и ставший Горным Мастером Боя! При соответствующем уровне самомобилизации возможности человеческого организма очень велики. Разумеется, не у всех они одинаковы. И суть вовсе не в колоссальной груди мяса на костях. Скорее, наоборот. Стокилограммовый тяжелоатлет никогда не станет рейнджером. Его хватит удар на первом же марше. Дело совсем не в том, чтобы иметь накачанные мышцы, стрижку ежиком и тяжелую челюсть. Все наши «волки» – субтильные на вид субъекты с длинными роскошными гривами. Длинные волосы – это традиция, но тоже не с потолка взятая, – такая шевелюра здорово помогает в жару, когда в вашем шлеме после сто первого попадания выходит из строя термосистема. А полудистрофическое телосложение необходимо для того, чтобы легко мчаться многие часы по джунглям или скакать по деревьям. Рейнджеру нет необходимости сбивать слона с ног ударом кулака. В джунглях крепкие бицепсы ему не помогут. Он должен в совершенстве, на акробатическом уровне владеть тем, что у него есть. Здоровущий дядя вряд ли сможет бегать по вертикальным стенкам. А уж если он попадет в мир с 2 g или температурой в 50 градусов по Цельсию, то ему сразу конец – пройдет от силы с десятков километров или помрет от жажды, изойдя потом.

Глава 4. Рыжеволосая аристократка

Сыто отрыгнув, Детеринг выпихнул за борт остатки нашего завтрака, закрыл дверь атмосферного створа и потянулся к пакету с пивом.

– Сам взлетишь отсюда? – неожиданно спросил он.

– Думаю, что да, – замялся я.

– Взлетай. Хватит пузыри пускать, пора учиться страху Божию. Курс 14 от точки стояния, высоту не набирай. Через полсотни километров начнется плоскогорье, там снизишься и начнешь искать караван – четыре повозки. Этот деятель рассказал о каких-то повстанцах из Ягура, по-моему, это они. Сядешь и потолкуешь с клиентами. У меня такое ощущение, что Яур среди них... больше ему, кажется, быть негде. Повстанцев много... но, может, эти путешественники что-то знают.

– А вы?

– А я посплю. Если что – разбудишь.

Он зевнул, поднялся из кресла и толкнул дверь экипажного салона.

Я закурил, пересел в кресло первого пилота, включил системы управления и ориентации и запустил двигатели. Стараясь не нервничать, осторожно поднял катер с площадки и на минимальной скорости выполз из ущелья. Черт, надо же было так спрятаться!

Выверив курс, я чуть добавил оборотов и через минуту выскочил из горной цепи. Дальше, насколько хватал глаз, простиралась заснеженная холмистая равнина, кое-где покрытая редкими рошицами вечнозеленых деревьев.

Высота была небольшой, и ни малейшего следа каравана повстанцев я не разглядел. Не прибавляя скорости, я по пологой спирали медленно полез вверх, выдерживая в направлении курсовую ось. Здоровенная машина весом в не одну сотню тонн в управлении была легче, чем миниатюрный «TR-60» на троих человек. Бронированная птица слушалась команд, как собственная рука.

Постепенно увеличивая радиус витка, я забрался на четыре километра, и когда мне уже порядком осточертело пялиться в экраны, узрел-таки искомые четыре повозки, ползшие сквозь снега в юго-западном направлении. Стараясь не сильно крениться, я положил «Тандерберд» в снижение и через пару минут прошел у них над головами, взрывая окрестности адским рыком реверсируемых компрессоров. Лохматые легконогие сикары, которые тащили деревянные возки, в испуге шарахнулись в разные стороны, путаясь в упряжи. Светловолосые люди в кожаных комбинезонах спрыгнули на снег и принялись успокаивать животных. Караван остановился. Я посадил катер в сотне метров от головного возка, надел шлем, бросил в петли на правом бедре излучатель, хлопнул замками перчаток и выбрался наружу.

Рослый дядька в рыжем кожаном комбезе и высоких, отороченных мехом сапогах, очевидно, предводитель, угрожающе поднял крупнокалиберное ружье местного производства. Я не имел желаний зарабатывать очередные синяки и заорал во всю мощь своих легких:

– Я пришел с миром! Не стреляй!

Увязая в снегу, я приблизился к каравану. Сикары встревоженно захрипели, роняя слюну. Старшой опустил свою пукалку, но глядел все равно подозрительно.

– Свет Неба, – процедил он. – Что нужно, пришелец?

– Я хотел бы потолковать с тобой, – не без труда подбирая нужный глагол, ответил я, – если ты не против.

Он скривился в ухмылке.

– Говори.

– Вы – повстанцы... против захватчиков из Фарьера? Они, очевидно, прибрали к рукам ваши южные районы?

– Ты не знаешь? – презрительно спросил он.

– Да, – спокойно ответил я. – Я не знаю. Я знаю только то, что за спиной Фарьера стоит внешняя сила. Какая?

Дядька вдруг сник. Он устало потеревил затвор своей хлопушки и поднял глаза:

– Я не могу верить тебе.

– Ты должен понимать, что я могу заставить тебя говорить, – я пожал плечами. – Я могу просто сжечь вас... всех.

Он вскинулся для резкого ответа, но не успел ничего сказать: его люди вдруг дико закричали, указывая на юг.

Я развернулся, на ходу пытаюсь перестроить сканер, но было поздно, да и ни к чему: два неуклюжих трехмоторных аппарата, разрывая морозный воздух истошным ревом пропеллеров, уже поливали окрестности металлическим ливнем. Вокруг завопили люди, хрипло заржали сикары, во все стороны брызнули фонтанчики снега. Я картинно рухнул на спину, в падении вскидывая ствол «Эйхлера».

Самолеты развернулись и на минимальной высоте пошли на второй заход. Бледно-голубая стрела пронзила небо, но выстрелить второй раз я не успел: сильнейший удар в плечо выбил излучатель из моих рук.

Дальше все происходило словно в замедленной съемке. Грохнули взрывы, на мои ноги упало чье-то тело. Самолеты снова ушли в разворот, уж не знаю, зачем. И тут ледяная равнина взорвалась разъяренным ревом форсируемых турбин.

«TR-160» взмыл в небо. Самолеты бросились наутек, но это не имело смысла: Детеринг догнал их в доли секунды и ударил тормозными моторами в тот момент, когда уже казалось, что гигантский скат готов таранить двух стальных птиц. Самолеты исчезли во вспыхнувшей на секунду лавине алого пламени курсовых дюз.

Я поднялся на ноги и огляделся. Кругом все напоминало поле битвы: сикары были мертвы, люди тоже. Рядом с моими ногами лежал труп изящной рыжеволосой девушки. Я поморщился, ощупывая грудь, и поднял с земли свой нехоти вылетевший из рук «Эйхлер».

Неожиданно девушка слабо застонала. Я поспешно встал на колени и внимательно осмотрел ее. Кроме двух порезов ран не было. Ну еще бы, ведь я почти закрыл ее, когда переворачивался на бок.

Рядом взревели моторы «Тандерберда», брызнула снежная пыль. Рев утих, и из атмосферного створа упруго спрыгнул Детеринг. Он был невероятно раздражен и ругался на пяти языках сразу.

– Что ты там на карачках лазишь? – спросил он, когда слегка успокоился.

– Она жива, – сказал я.

– Жива?

Детеринг нагнулся и пощупал пульс девушки.

– Тащи ее в десантный и приведи в чувство. А я пошел спать! Если прилетят еще какие-то уроды, скажи им, что я зажарю их на медленном огне, пусть только попробуют разбудить меня.

Он распахнул забрало, сплюнул и исчез в рубке. Оттуда донеслась длинная русская фраза, сути которой я не разобрал, поняв лишь, что звучала она весьма нецензурно.

Я тяжело вздохнул и поднял хрупкое тело. У меня в руках девушка вдруг пришла в себя, глянула по сторонам, слабо вскрикнула и обхватила руками мою шею.

– Все будет хорошо, – прошептал я, – потерпи, малыш.

Я втащил ее в десантный дек, распахнул медбокс и извлек плоскую коробку кибердоктора. Затем растянул на ней комбез, стащил его до пояса, задрал наверх толстый свитер и прилепил прибор к спине.

– Лежи на животе и не шевелись, – приказал я.

– Мне больно, – кусая губы, простонала она.

Я присел рядом с кожаным диваном и положил руку на рыжий затылок.

– Потерпи, сейчас все пройдет.

Кибердок, к моему изумлению, выдал отсутствие внутренних повреждений за исключением длинного ряда ушибов. Засадив в девчонку букет анестезирующих и стимуляторов, он пискнул и отключился.

– Есть хочешь? – спросил я, снимая прибор.

– Пить, – слабо попросила она.

Я ушел в рубку и намешал ей коктейль из оранжа, сока сиу и многокомпонентного питательного пойла. Когда я вернулся, она уже сидела на диване, стянув с себя сапоги и комбез.

– Они все мертвы? – спросила она, вылакав весь стакан.

Я кивнул. Она опустила голову. В серых глазах блеснули слезы.

– Ты уцелела потому, что я закрыл тебя... случайно. Как тебя зовут?

– Тин. А тебя?

– Саша, – улыбнулся я.

– Са-ша, – по слогам повторила она и смущенно улыбнулась: – Теперь я принадлежу тебе, ведь ты спас меня.

«Неплохо для затравки», – подумал я. Усевшись на противоположный диван, я закурил и задумчиво оглядел свою новую собственность. Она была типичной северянкой и, похоже, благородных кровей – об этом говорили удивительно красивые изящные ладони с длинными нервными пальцами – совсем как у Детеринга. На вид ей было лет девятнадцать, и ее вполне можно было назвать симпатичной, хотя по привычным имперским стандартам у нее были слишком острые черты. Но в Ягуре они все такие.

– Что ты будешь со мной делать? – нарушила она затянувшееся молчание.

В ее глазах не было ни тени страха или сомнения – они улыбались, эти ее серые глаза, улыбались доверчиво и чуть смущенно.

– Куда вы ехали? – спросил я.

– Мы везли оружие в замок Рэф. – Тин куснула губу. – Там собралось много людей...

– Рэф... Ну ладно, это мы потом выясним. Я думаю, тебе нужно прилечь... как ты считаешь?

Она боднула головой.

– Я хорошо себя чувствую.

– Ну-ну... Ложись лучше. Если что – я за этой дверью.

Я прошел в рубку, уселся в кресло инженера, откинул его меховую спинку и закрыл глаза. Интересным типом я стал – за переборкой сидит хорошенькая девчонка, а я с умным видом пытаюсь уснуть в рубке.

Собственно, спать мне совершенно не хотелось. Мысли перескакивали с ножек Тин на ироничного Детеринга, наглого и самоуверенного, потом почему-то вспомнилась моя последняя герлфрэнд Элис, вечно отмороженная блондинка, холодная, словно арктическая рыба.

С этими достаточно странными – учитывая обстановку – мыслями я погрузился в легкую дрему. Дрых я недолго, и сон мой был прерван появлением шефа. Полковник выглядел совершенно свежим и подтянутым – вроде и не спал вовсе.

– Так, – он шелкнул пальцами, – где эта подруга?

Я выпрыгнул из мохнатых объятий кресла и распахнул дверь десантного дека. Тин спала, свернувшись калачиком на диване. Будить ее не хотелось – уж очень беззащитной она выглядела... К тому же я вообще люблю смотреть на спящих девушек. Но за спиной стоял неумолимый Детеринг – а жаль.

– Тин, – я мягко коснулся ее щеки, – проснись.

Она испуганно вскинулась.

– Пойдем, с тобой хочет поговорить мой командир.

Девушка натянула сапоги и прошла вслед за мной. Детеринг, с небрежной элегантностью развалившийся в кресле оператора связи, указал ей на развернутое кресло второго пилота. Затем таким же легким взмахом руки включил ментальный транслинг. Вытащил сигарету из левого наплечного кармана, клацнул зажигалкой и пустил струю дыма к потолку.

– Кто вы? – Голос прозвучал настолько неожиданно, что девушка вздрогнула.

– Я дочь владетеля Схо-Роуер... Тин Рикара.

На лице полковника не дрогнул ни единый мускул.

– Кто эти люди и что вы с ними делали?

– Это повстанцы... против владык Фара, которые вторглись в южные области. Мы везли оружие в замок Рэф, там собирается целая армия, чтобы выбить этих фанатиков на южные равнины.

– Вы слышали что-либо о появившемся среди вас могучем воине, пришедшем со звезд?

Тин только удивленно глянула на него и замотала головой.

Детеринг выключил транслинг и поднялся из кресла.

– Саша, курс на Рэф. По прибытии доложишь.

Шеф погасил в пепельнице окурок и ушел в салон.

– Что он сказал? – спросила Тин, недоуменно глядя на меня.

– Мы летим в Рэф...

Я сел в кресло первого пилота и принялся ориентироваться по компьютеру. Нас разделяло не меньше двух тысяч километров. Полчаса, если не особенно спешить. Рогнар – огромная планета, и расстояния здесь соответствующие. Хороший плацдарм... для кого-то. Тем более что гравитация, по непонятным для меня причинам – я никогда не рубил в астрофизике – не превышает 0,95 g.

Отключив терминал, я развернул сиденье Тин к экранам и спросил:

– Вы что, собирались всю дорогу плестись на сикарах?

– Нет. В Сиуце ждал самолет.

Я усмехнулся. Совсем недалеко. Отсюда до Сиуца километров восемьсот по прямой.

Так же, как на всей нашей боевой технике, программатор катера не выполнял стартово-финишных операций. В Империи традиционно не доверяют электронике. Поэтому пришлось поднимать катер до положенных десяти тысяч вручную. Когда он благополучно лег на курс, я повернулся к Тин.

– Может, все-таки поешь?

– С благодарностью... – Она смущенно улыбнулась.

Я вытащил из ниши в мягком потолке несколько пакетов, вскрыл один и протянул ей. Девушка с улыбкой посмотрела на меня.

– Расскажи мне о себе, – игриво произнесла она. – Сколько тебе лет? Где ты живешь? У тебя есть свой замок? У тебя есть жена?

– Не все сразу, – рассмеялся я. – Мне двадцать пять лет, я живу на планете, находящейся очень далеко отсюда, я младший офицер. Замка у меня нет. Жены тоже. Что еще?

– А что привело вас сюда? Ведь ваши, кажется, живут в Либене?

– Потом узнаешь. Пока об этом рано говорить.

Она притворно нахмурилась.

– Ну не хочешь, не говори. Ты отвезешь меня к нашим?

– Да, Тин. Расскажи-ка лучше, как ты очутилась среди повстанцев.

Девушка закусил губу и умоляюще посмотрела на меня.

– Ты обязательно хочешь это знать?

Я кивнул.

– Они убили отца, мать, братьев... всех! А сестру принесли в жертву своему Фару...

Тин положила пустой пакет на панель управления и опустила голову.

– Я не знаю, что меня ждет, – глухо проговорила она, – но я должна отомстить, я последняя в роду. Я унаследовала замок, но они сожгли его... ха-ха. Я ношу имя, которое будет забыто, а этому имени семьсот лет. Я осталась одна, у меня нет никого, и никто не будет защищать меня.

Девчушка вдруг вскинула голову и дерзко посмотрела мне в лицо.

– Ты это хотел услышать?

– Неважно... – Я закурил и задумчиво оглядел ее. – Скажи, что с тобой делать?

– Что хочешь. – Тин дернула щекой.

– Это не ответ. Мало ли чего я хочу... Чего хочешь ты? Защиты? Но я не волен в своих поступках. Наши цели в чем-то совпадают, но я обязан выполнять приказы, а моего командира мало интересует твоя история. На планете заваривается адская каша. Если мы не примем мер, мир не скоро придет сюда. Здесь будет битва, гораздо более страшная, чем ты можешь себе вообразить.

Девчонка удивленно воззрилась на меня и чуть прикусила губу.

– Ты хочешь сказать... Но, во имя Неба!.. Я была уверена, что именно вы стоите за спиной Фариера.

– Ты здорово соображаешь. Естественно, не мы. Впрочем, я могу тебе это очень просто объяснить. Ты хоть чуть-чуть знаешь астрономию?

– Ну... немного.

– Давай посмотрим. Так вот. Рогнар лежит в секторе пространства, – я, как мог, изобразил это рукой, – как раз в том месте, где наша пограничная оборона наиболее слаба. Наши враги это знают. И если они смогут укрепиться здесь, на этой громадной планете с солидными ресурсами, они получат великолепный плацдарм для атаки. Причем стратегическое положение Рогнара таково, что выбить их отсюда будет очень трудно. Но они не могут с ходу, своими руками захватить целый мир. Множество причин... ты не поймешь. И поэтому они пытаются повернуть ход истории руками Фариера, а уж потом прибыть сюда во всей красе, как дорогие гости.

Я умолчал о том, что ни мы, ни российская СБ толком не знают, кто именно затеял этот кровавый покер – то ли леггах, эти отвратительные жабы из облака Рахери, то ли кто-то из зарвавшихся пиратских королей. Я не знал мыслей Детеринга – несомненно, он имел свои соображения, – но склонялся ко второму варианту. Во-первых, леггах не подходит эта планета – для них непереносимы резкие сезонные изменения климата, так как у их родной планеты угол наклона к оси эклиптики ничтожно мал, к тому же и атмосфера для них здесь слишком плотная. Во-вторых, они могут решиться на традиционную мелкую пограничную пакость, но не на столь кардинальные меры. А вот пираты – это да, в это я могу поверить. Особенно в последнее время, когда несколько крупных кланов слились в единое целое. Их уже не устраивают базы на диких планетах, где приходится ходить в легких скафандрах и отражать атаки совершенно невероятных чудовищ. А вот здесь... на этой колоссальной планете с необозримыми ресурсами и многочисленным гуманоидным населением, можно подумать об основании собственного сеньората...

Полстолетия тому вопрос решился бы просто – десантные силы устроили бы здесь образцово-показательную резню, и больше ни у кого не возникло бы желания соваться на Рогнар. Но то были суровые времена суровых людей. Кстати, Детеринг в своем роде осколок прошлого – холодная, безжалостная смерть-машина, один из тех железных берсерклов, что вместе с росами железной рукой расчищали себе дорогу в Галактике. Но то было в прошлом столетии... А теперь мы живем в эпоху высокой дипломатии. Теперь в сенате заседают надушенные педики, которые хватаются за сердце при одной мысли о каком-либо применении силы. Эти опереточные герои ведут нудные переговоры с пиратскими баронами, наглеющими день ото дня, они нянчатся с негуманоидами, рвущимися в пределы наших планет. А на Россе пришло к власти

поколение, которое позорно дезертировало с поля последних сражений, прикрываясь якобы своей прогрессивностью и склонностью к отказу от «архаичных» традиций, а по сути – ломающее все моральные устои цивилизации поэтов и воинов.

Я иногда задаю себе вопрос: «За кого я, черт побери, подставляю шею? За кого сражаются ребята из приграничных экипажей? За таких, как Экарт, который спит со своим помощником? За ленивых и трусливых ублюдков, прожигающих свою никчемную жизнь на всех имперских планетах?»

Эти вопросы... Первому лейтенанту Службы безопасности они не к лицу, тем более такому неудачнику, как Саша Королев. И Детеринг наверняка за них не похвалил бы... хотя? Кто знает, какие мысли скрываются за этими ледяными глазами. Вся его аура – это обман, сплошной камуфляж. Вряд ли кто чужой сможет догадаться, что за манерами элегантно-небрежного, чуть потасканного, чуть усталого денди спрятан смертоносный дракон, носящий четыре креста в золоте погона. Едва ли придет в голову какому-нибудь донжуану, что эти тонкие, перевитые узлами вен руки способны без промаха бить из любого оружия или с легкостью вертеть тяжелый меч.

Ясно одно – существующим положением он доволен быть не может. И, насколько мне известно, такие, как он – Фарж, Бонарь, Нетвицкий, Мосли, – живут в своем обособленном мире, обладая пусть невидимой для невооруженного глаза, но чудовищной властью. А в силу того, что действуют все они как единый боевой механизм, решить судьбу целого мира – такого, как Рогнар, – для них вполне осуществимая задача. Возможно, Детеринг представляет здесь не интересы сената, а интересы группы таких же полковников в сверкающих золотым шитьем мундирах. И здесь мог бы быть сейчас не Йорг Детеринг, а Лайонел Мосли или Ярг Максимилиан Фарж. Возможно, где-то уже стоит еще один снаряженный транспортник с «TR-160» в брюхе, и кто-то из них – следующий – готов к броску через пространство в случае нашей неудачи. Кто знает?

Глава 5. Я не умею драться...

Юр Доридоттир, пребывающий в генеральском чине, весьма легкомысленно поковырялся в левом заостренном ухе, проворно втянул кривой коготь и снова вперил в резной деревянный потолок немигающий взгляд своих оранжевых глаз. Потом зачем-то повернул португепею, перекрещивающую его легкий мускулистый торс, и обнажил ослепительно белые клыки:

– Как ты понимаешь, ничего другого мне не оставалось. Сенат не сможет принять никакого решения.

– Я подозревал, что это Крокер... – задумчиво ответил Детеринг. – Люди Первого управления докладывали о повышении его активности, но аналитики не могли догадаться о подлинной сути происходящего. Когда Нетвицкий узнал от конвойных чертей – у него там свои людишки – о том, что здесь начинается какая-то возня, возникли подозрения. Ваши молчали...

– Рогнар – не дело Росса. Но Крокер – это общий... э-э-э... казус. Собственно, я действовал на свой страх и риск. Только Экиф знал об этом полете. Его служба получила параллельную информацию, а мы давно подозревали о наличии амбиций подобного уровня. В данный момент ситуация вышла из-под контроля. Решение задачи возможно лишь с применением организованных сил.

Детеринг достал новую сигарету.

– Ты понимаешь, что это невозможно.

Доридоттир не ответил. В отделанной темным деревом комнате повисла напряженная тишина. Где-то внизу зафырчал броневик, послышались отрывистые слова команды, затем опять все смолкло.

– Пускай дурачки из имперского сената размахивают надушенными платочками и толкуют о любви и гуманизме, – неожиданно скрипуче произнес россианин, – а наши кретины на советах Ифрэ вопят о ломке агрессивных тенденций... но мы будем делать свое дело.

– А у нас что, – вкрадчиво поинтересовался Детеринг, – есть выбор?

– Выбор есть всегда, – философски изрек Доридоттир. – Насколько я понимаю, для вас это будет первая проба сил. И вы, соответственно, готовы проверить на практике реальность своего могущества.

– Конвульсии имперского сената не могут доставлять нам наслаждение, – пошевелился Детеринг.

Глаза Доридоттира вдруг стали голубыми. Для того, кто не видел, как россы из старинных аристократических родов выражают свои скрытые эмоции, это выглядело достаточно дико. В данном случае это могло означать одно – тщательно подавляемую вспышку ярости.

– Я согласен с подобной позицией, – спокойно произнес росс, и сузившиеся зрачки вновь приобрели ровный цвет спелого апельсина. – Александр, – обратился он ко мне, – завтра утром Леак Со-Хасс, командир одного из отрядов, вылетает в разведку на тяжелом самолете. Мне хотелось бы иметь там свои глаза... вы найдете его на аэродроме у восточных ворот. Он предупрежден.

Я коротко кивнул. В подобной атмосфере уставной грохот каблуков был бы абсолютно неуместен, хотя алая, сверкающая золотом замысловатого узора мантия, что была легко и изящно накинута на спинку его кресла, недвусмысленно напоминала о невероятной древности рода и высоком чине сухопарого светлокожего росса.

Детеринг чуть повернулся в кресле:

– Саша, ты можешь идти отдыхать.

Я поднялся и учтиво пожелал большим начальникам спокойной ночи – на что Детеринг благосклонно кивнул головой, а Доридоттир произнес фразу на кафарэ, суть которой заклю-

чалась в том, что его затаенной мечтой всю жизнь являлось желание, чтобы именно в эту ночь мне приснились цветущие сады и легионы юных дам.

Я миновал два мрачных коридора, спустился по высокой винтовой лестнице и вышел наконец к высокой резной двери своих апартаментов. В Ягуре архитектура просто развеселая: родовые замки – это какие-то термитники (соответствующих, конечно, размеров) с миллионом ходов, башен, подземелий и висячих переходов. Если здесь заблудиться – пиши пропало. Я за сегодняшний день еле научился находить дорогу к своей «каюте».

Ототкнув дверь могучим стальным ключом, я вошел вовнутрь, нащупал на панели выключатель и включил три тусклые вакуумные лампочки на стенах. Термогенераторы у ребят явно барахлили, и без того мерзкий желтый свет то и дело помаргивал, при этом лампы издавали неприятное скрипящее шипение.

Я стащил с себя обмундирование вместе с бронекостюмом, влез в родной черный комбинезон и на всякий случай прицепил к специальным петлям на правом бедре кобуру с пистолетом. На низком треугольном столике меня ждал ужин – тушеное мясо, лепешки острого сыра и кувшин богомерзкого здешнего вина. Я присел на мягкий бархатный пуф и, орудуя двумя заостренными палочками, принялся уплетать аппетитные кусочки мяса, плавающие в пряной подливке. Закусывал я сыром, хотя от него почему-то пахло коньяком.

Пожинав, я глотнул кислого вина и с наслаждением вытащил сигарету. Мои подозрения, до того достаточно смутные, сегодня приобрели кровь и плоть уверенности. Я участвую в операции, о которой имперские властные структуры не имеют ни малейшего представления. Итак, я стал одним из посвященных. Что ж, есть чем гордиться. Быстрое, чтобы не сказать стремительное, продвижение по служебной лестнице мне гарантировано, как и приобщение к той таинственной и чудовищной власти, одну из нитей которой держит в своей руке полковник Детеринг. Но это – одна сторона медали. А другая – передний край невидимой и безжалостной войны... Ясно, что, пока эта публика не свалит Лейфа Крокера, покоя не будет. Крокер умен, он тонко чувствует ситуацию. Но Танк и Доридоттир – зверохитрые типы, стремительные, словно удар гильотины... и я уверен, что они придумают нечто неординарное.

Входная дверь неожиданно закрипела, открываясь. Раньше, чем она отворилась полностью, мои пальцы сомкнулись на рукоятке могучего «Саттора», а его тупое рыло, готовое выплюнуть испепеляющий заряд энергии, с мертвым безразличием уставилось на Тин, которая даже не успела толком испугаться.

- Гм, – я убрал оружие в кобуру, – стучать надо.
- Разве ты не ждал меня? – искренне удивилась она.
- Я?..

Она огорченно опустила плечи.

- Я думала... ведь ты мой спаситель...

Неожиданно она присела на корточки передо мной, положила голову ко мне на колени и обхватила руками мои ноги. Я рывком покинул кресло, поднял ее на ноги и глянул в ее серые удлиненные глаза... ничего, кроме отчаяния, я там не увидел. Я раскрыл было рот, собираясь произнести достаточно длинную для данной ситуации фразу, но меня грубо прервали.

На сей раз дверь распахнулась одним рывком, и не успел я что-либо сообразить, как в помещение ворвались трое здоровенных парней. Оружия при них не было, но их свирепые рожи свидетельствовали о том, что громилы прибыли сюда отнюдь не для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение блистательному офицеру Алексу Королеву.

Пепельноволосый юнец, шествовавший во главе делегации аборигенов, одним рывком оторвал от меня Тин и хрипло прорычал ей:

- Я говорил тебе, чтобы ты не бегала за ним?
- Фит! – в ужасе воскликнула девушка. – Не смей! Не трогай его!

Паренек отшвырнул ее в сторону и повернулся ко мне.

– Ты не должен ее видеть, – приказным тоном пролаял он, – если не хочешь, чтобы мы с тобой разобрались. А уж после этого девушки интересоваться тобой не будут. Ясно?

– Тин, – недоуменно спросил я, – а кто это такой?

Она подняла на меня полный ужаса взгляд.

– Он сын... сын одного из младших сюзитов. Он бегал за мной. О, не связывайся с ним, умоляю тебя!

Я был искренне изумлен. За кого они меня держат? Или эти щенки считают, что могут отдавать приказания имперскому рейнджеру? Ну что ж, в конце концов, я давненько не дрался. Можно и размять старые кости.

– Сынок, – спросил я, – ты хочешь со мной подраться?

– Я не буду с тобой драться, – ответил звероподобный юноша. – Я тебя просто изувечу.

– Ну, попробуй...

Он весил килограммов на тридцать больше меня и ростом был намного выше. Но я знал анатомию, а он – нет. Он, вероятно, дрался всю жизнь, а я никогда не дрался – в его понимании. Зачем? Размахивать кулаками – неподобающее занятие для цивилизованного человека.

Парнишка рванул на меня, рассчитывая нанести зверский удар – вероятно, в челюсть... как в исторических стерео про ковбоев. Ну да, если бы он попал, то второй удар мог бы и не понадобиться. Но мне не хотелось доставлять ему такого удовольствия. Я ушел в сторону, и он едва успел остановиться в своем размахе, чтобы не налететь на кресло. Пока он разворачивался, с невероятным изумлением разглядывая меня, я обдумывал варианты, что бы такое забавное с ним сделать. Проломить грудную клетку? Нет, захлебнется кровью – ковер испортит. Сломать позвоночник? Неплохо, но у меня потом ноги болеть будут, а завтра тяжелый день. Нет, все не то.

Я поймал его обманчиво расслабленной левой рукой, всадив два пальца в солнечное сплетение. Наглый щенок издал кхекающий звук и стал оседать на пол, вывесив челюсть и выпучив свои глупые глаза. Я уже думал, что представление окончено, как его приятели вдруг рванулись в атаку. Тактика была старая и ублюдская, мне хорошо знакомая – один фиксирует, другой месит. Подобные вещи я ненавижу до смерти, и уж с ними я церемониться не стал. Белокурому ублюдку, который пытался схватить мою многострадальную шею, я вогнал ребро ладони в горло. Я не шутил, и его позвоночник, естественно, не выдержал. Второго я ухватил за руку и швырнул затылком о массивный подлокотник высокого резного кресла.

Все. Оба мертвы, если я вообще что-то понимаю в трупах, а этот Фит, похоже, сдохнет к утру. Я не думал его убивать, но немного не рассчитал точку попадания.

– Иди поищи их командира, – мрачно произнес я, – или начальника... не знаю.

Тин умчалась. Я сел в кресло и горько покачал головой. Нет, мне еще далеко до прославленного шефа. Я не могу укокошить троих парней с такой легкостью, словно это назойливые насекомые. Они, ублюдки, конечно, сами напросились, но все ж таки.

Почему-то вспомнился один эпизод двухлетней давности. На Фиэте-4 была десантная операция – ликвидировали резервную базу пирата Ио-Кифа. Мы, группа рейнджеров, обеспечивали оперативное прикрытие, так как высадка шла в один эшелон. Но, как это обычно бывает, координаторы все перепутали, боты пошли не с той орбиты, и заходить на цель пришлось из-за линии терминатора, так как расчет в результате судорожных эволюций двух линкоров, несших на себе легионы, был потерян. Пилоты рассыпали строй, началась каша в воздухе, головной бот был сбит сразу же, и наш орел – полковник Янгель – принял командование на себя. Я получил приказ блокировать южное крыло, с жутким матом увел два дивизиона влево и посадил поперек компрессорной полосы. Один рейдер все-таки успел взлететь прямо перед нашим носом, но оба энергобота отработали вовремя, разрядив свои башни в его носовую часть. Рейдер с воем ушел за горизонт и где-то там рухнул в джунгли. Следом за ним по полосе пытался развернуться к старту российский корвет, но мы ему не дали. Энергоботы вдребезги

разворотили командный отсек, и он замер на сталепласте полосы, полыхая белым пламенем из огромной дыры в обшивке. Я прохрипел сорванным голосом команду прочесать корабль, головным танком снес кормовые шлюзы правого борта и во главе первой роты ворвался внутрь. Тяжко бухая сапогами, за моей спиной по пустому коридору боевого уровня неслись девяносто здоровенных потных мужиков, готовых разорвать в клочья любого дракона. Из-за оперативного поста связи нам навстречу выбежали трое – двое крепких парней и совсем юная девочка в облезлом флотском комбезе младшего офицера. Я лишь на секунду успел увидеть ее лицо – нежное, прекрасное той редкой печальной красотой, что вызывает щемящее чувство в начале осени. А в следующий миг оно вспухло кровавой розой прямого попадания... Пиратов не берут в плен. Но это лицо долго будет преследовать меня... а осень в моей душе началась давно. Мне иногда становится до ужаса плохо. Это похоже на удар по голове – стоит подумать, что мы могли бы встретить друг друга иначе... что она могла бы обнимать меня, возвращающегося после службы. Что она могла бы весело смеяться, мчась в моем скоростном «Ронсоне» по трассе вдоль линии прибоя на побережье... а я просто машинально спустил курок своего «Р-43».

Дверь с грохотом распахнулась. Первым вломился мой любезный шеф. Следом за ним вошел Доридоттир в мантии и с коротким мечом на бедре. Рядом с россианином стоял высокий седой мужчина с суровым лицом, облаченный в кожаный комбез.

– Ага, – с видом эксперта покачал головой Детеринг. – Ага.

Больше он ничего не сказал, зато Доридоттир холодным скрипучим голосом произнес, обращаясь к своему спутнику:

– Если это повторится, Искау, я сам приду на помощь своему лейтенанту. Вы меня поняли?

– Эти негодяи давно затевают драки, – кивнул седой.

– Больше не будут, – хмыкнул Детеринг.

Доридоттир величественно взмахнул ослепительно алой тканью мантии, отчего золотые руны заструились по ее поверхности, словно живые, криво улыбнулся мне на прощание, и комиссия по расследованию несчастного случая удалась. Когда кожаная спина местного представителя команчей исчезла за дверью, в помещении появились несколько мрачных типов. Удивленно цокая языками и бросая на меня полные изумления взгляды, они суетливо уволокли покойников, и я наконец смог сосредоточиться на сигарете и мыслях о грядущем.

Однако стоило мне расслабиться, как под дверью послышались слабые всхлипывающие звуки. Я выругался и попытался вспомнить, что мне известно о здешних животных – малоприятных спутниках человека типа земных крыс. Оказалось, ничего. У меня, однако, не имелось ни малейшего желания занять соседом какого-нибудь дракончика, который будет всю дорогу скрипеть и всхлипывать у меня под кроватью. Меня мало волнует, что он с утра ничего не ел – не люблю, когда меня кусают за пятки.

Поэтому, горько жалуясь на беспокойную судьбу, я вытащил из ножен свой здоровенный рейнджерский тесак и с максимальной осторожностью приоткрыл дверь.

Под дверью, сидя на корточках, тихо плакала тоненькая рыжеволосая девушка. Я вздохнул и опустил искривленный клинок.

Глава 6. Лети туда – не знаю, куда

Мои сомнения насчет времени вылета разрешились просто: в шесть утра нас разбудил высокий, тощий как жердь юноша. Мы молниеносно оделись и вышли вслед за ним. По пути я расстегнул набедренный карман и протянул Тин пару пакетиков питательного желе из боевого рациона.

Когда мы миновали наконец тысячу и один коридор и выбрались наружу, я поспешно напялил перчатки и плотно защелкнул их замки – морозец был весьма ощутим. Шлем я надевать не стал, так как моя густая грива защищала голову вполне успешно.

Шваброподобный джентльмен с задумчивым видом погрузил нас в небольшой колесный вездеход и взялся за румпель (а иначе и не скажешь – система управления здесь принята такая, что с трезвых глаз и не разберешься). Раздраженно залаял тепловой моторчик, и наш возок понесся вперед по раскатанному грязному снегу дороги, петляя между башен замка. После пяти минут езды, которая напомнила мне скачки на диком мустанге, мы выскочили на летное поле. На взлетной полосе уже стоял самолет – к нему мы и направились.

Это было поистине циклопическое сооружение – тяжелый бомбовоз либенского производства. Этой модели было лет десять, и размерами она превышала наш «TR-160». Шесть моторов с пропеллерами на огромных широченных крыльях пока молчали. Вытянутый сигарообразный фюзеляж был выкрашен в коричневый цвет и лишен каких-либо эмблем. Внешне аппарат напоминал земные модели XX века, но имел и отличия. Могучие винты смотрели не вперед, а назад. Фюзеляж был утыкан орудийными гондолами, из которых хищно щурились стволы легких автоматических пушек.

Вездеход подлетел к одной из опор могучего колесного шасси, рядом с которой стояли двое мужчин в комбинезонах. Один был молод и рыжеволос, телосложением напоминая хрупкого юношу, лишь лицо выдавало истинный возраст. Второй являл собой почти явную противоположность – невысокий, но широкоплечий, с густой гривой пепельно-седых волос, обрамлявших изрезанное морщинами худое лицо аристократа.

Мы вылезли наружу. Коренастый крепыш, приблизившись на два шага, с уважением оглядел мою громоздкую из-за снаряжения фигуру, скользнул взглядом по девушке и хрипло произнес:

– Я командир Леак.

– Офицер Королев, – ответил я. – Это Тин Рикарда оф Схо-Роуер.

Тин улыбнулась и прикоснулась правой рукой к губам. Командир повторил ее жест и чуть поосторонился, приглашающе указав рукой на легкую лестницу, ведущую к овальному люку в борту бомбовоза.

Взобравшись наверх, я пробрался по тесному коридору в просторную ходовую рубку. В одном из четырех кресел сидел смугловатый тип, внешностью напоминавший либенца. Он внимательно осмотрел меня, но не промолвил ни слова и безразлично отвернулся.

Пока я разглядывал панель, утыканную кучей примитивных приборов, в рубку вошли Тин и Леак. Рыжий отправился вниз, в кабину бомбардира. Леак скользнул в левое кресло, заняв место у громоздкого пулемета, а мы с Тин уселись по обеим сторонам от пилота.

Я отказался от предложенного мне шлема с наушниками бортовой связи, надев свой собственный. Сориентировав частоту, я и так услышу все, что мне нужно. Но в своем я еще и увижу массу интересных вещей, недоступных невооруженному глазу.

По команде Леака пилот запустил моторы. Морозный воздух разорвал мощный рык, брызнули фонтаны снежной пыли... пилот тронул рукоятку совмещенного газа, и белая равнина рванулась нам навстречу. Разгонялись мы долго и тяжело, потом грохот моторов достиг

апогея, пилот крутнул странное выпуклое колесо, которое он держал в руках, и мы с трудом оторвались от земли. Вероятно, грузеный бомбер взлетал бы еще более судорожно.

Моторы заревели более ровно. Огромная машина шла на юг на высоте около двух тысяч метров. Я толком не знал, что именно я должен увидеть, но был готов вобрать в себя максимум информации. Пока же под нами проплывала лесистая заснеженная равнина. Было как-то странно лететь на этом сундуке с такой низкой скоростью, наблюдая, как заснеженные деревья лениво уползают назад. Я привык, что картина на обзорном экране мельтешит с головокружительной быстротой, и поэтому чувствовал себя неудобно.

Моторы заревели еще резче – неуклюжая машина тяжело совершала набор высоты. Видимо, мы подходили к границам оккупированной зоны.

«Авиации Фарьера нам бояться не стоит», – прикинул я. Их этажерки на многое неспособны, к тому же наш сарай вкруговую утыкан скорострельными автоматическими пушками... разумеется, при условии, что комендоры на местах. Но если мы, чего доброго, напоремся на нездешний аппарат, нам придется туговато. Стрелять по имперскому или там корварскому планетарному катеру из этих пушек – все равно что колоть иголкой дракона...

Как говаривал орел наш флаг-майор Везель, старший преподаватель на кафедре спецтактики: «Определенный процент риска в нашей деятельности, джентльмены, присутствует всегда». Уникальный был перец – в любой карте, в чьей угодно, разбирался в момент, а на тренажерах такие вводные отмачивал, что я, например, неизбежно залезал в какое-нибудь гипотетическое болото или загонял группу под кинжальный огонь собственных десантников.

Н-да, а на практике вот оно, здрастье: высота тысячи четыре, спасательными системами и не пахнет... придется, если что, отстреливаться из «Эйхлера».

Бомбер лег на левое крыло, уходя в пологий вираж. Внизу, посреди каких-то оврагов и черт-те еще чего, серыми квадратиками торчали бараки. Мелькнули ряды тупорылых броневиков на колесном ходу. Я быстро сориентировал свой шлем: ага, монахи забегали, вверх глядят, руками машут. Может, израсходовать всю эту публику? Одной гранаты хватит, а у меня их десяток.

Пилот развернул наш воздушный рыдван и положил его курсом точно на юг. Снегов под нами уже не было – мы пересекли границу Фарьера. Внизу лениво плыла уныло-однообразная коричневая степь – пустая и безжизненная. Занесли ж меня сюда черти... Чертов Крокер со всеми своими орлами, а! Спят и видят дворцы, рабов, женщин... И сияющие защитой борта своих звездолетов. У Крокера, как я знаю, веселая подобралась компания – и люди, и корварцы, и орты, и лидданы. Только россов нет. Для росса стать пиратом так же немисливо, как сенатору-пацифисту заявиться на расширенное заседание в доспехах и с мечом. Да, жизнь, конечно, у орлов веселая, но не хотел бы я находиться на борту их корабля при встрече с имперским патрульным линкором. Или даже с рейдером, если он с какой-нибудь дальней базы – в тех дивизионах такая публика служит, что лучше им под руку не попадаться. Видел я этих юных головорезов. В дальних дивизионах оповещения торчат либо самые агрессивные лейтенанты, либо вконец отмороженные типы, которые только и ищут, в кого бы им разрядить ракетные пеналы. Там, в приграничье, сражение не стихает ни на минуту. Попадался мне один парнишка в чине майора, лет от силы двадцати, на котором висели два интересных значка – «пилот 1-го класса» и «25 побед экипажа». Нарвись на такого вот юного дракончика, особенно когда его «Стархантер» или «Скайслэйер», весь разрисованный черепами и обнаженными красавицами, только снялся с дивизиона с полными пеналами и унитарными ямами. Маму позвать не успеешь, как он в развороте влепит тебе и ракетами, и пушками – и поминай как звали.

А еще есть такая дружелюбная гоп-компания – особый легион «Риттер», стоящий на Лассиге-5. Туда собирают публику заматеревшую, в чинах и наградах. На вооружении у них только линкоры – наглухо бронированные чудовища, способные разнести бортовым залпом целый планетоид. От этих мальчигов лучше сразу делать ноги на полных оборотах. Свирепость

у них звериная, а мастерство наработано в бесчисленных сотнях поединков, и любую хитрость противника они раскусывают на полсекунды раньше, чем он успевает ее придумать. Никто не знает их маршрутов – то они шныряют в приграничье, то появляются в районах оживленных космических трасс. И за каждым хищным зверем тянется в прошлое длинная-длинная вереница мертвецов... Нет, я не хотел бы быть пиратом.

Впереди, слева по курсу, появилось что-то интересное. Какой-то городишко – хаотичное нагромождение серых кварталов, острые иглы храмов, вонзающиеся в небо. Несколькоими ударами по сенсору я набрал нужный фокус: машины какие-то ездят, публика в балахонах и без, ничего примечательного. На улицах грязь, по окраинам бродят сикары и мясные животные, как их бишь... лацце, да. Хорошее у них мясо. Н-да, бедлам, однако.

Я глянул на часы. Ого, мы болтаемся в атмосфере уже битых три часа! Гм... а куда же мы идем? Как я понимаю, все эти курсовые эволюции направлены на то, чтобы обойти стороной густонаселенные районы. Учитывая скорость этого летающего гроба, через час мы минуем залив Семи Снов и выйдем за южную границу Фариера. Что там, э-э-э, дальше? Если идти этим курсом, то дальше пойдут дикие леса королевства Ярзак. К западу от линии курса будет лежать океан, к востоку – лесистые холмы, чуть южнее холмов – горная цепь. Не в Либен же нас черти несут? Н-да, любопытно. Либен, собственно, к востоку, а если мысленно провести курсовую ось от старта к точке нахождения на данный момент, то получится, что мы круто забираем к западу... Так-так, Саша, думай. На западе – океан. Южнее? А там западный берег Ярзака, какой-то полуостров здоровенный. Хо! Паршиво же я помню карту этого Рогнара, уж больно она здоровая в Меркаторе получается. Если продлить эту курсовую ось, то мы, несмотря на все эти наши выкрутасы, идем точно к архипелагу Мойо, есть такое островное княжество. При такой скорости мы будем там к обеду. Этот сундук за час покрывает километров пятьсот, турбины у него могучие. Странно, что мог унюхать Доридоттир на островах Мойо? И зачем здесь нужен я? Уж точно не как боевая единица. Как эксперт? Но в какой области? Гм... интересная получается петрушка. И Леак... молчит как рыба. Небось, уверен, что я прошел расширенный инструктаж у дяди Яура. А дядя тоже хорош дракончик: шлепайте, лейтенант, не знаю, куда, прикиньте там, не знаю, что, не знаю, к чему, и доложите, не знаю, о чем.

– Да! – гаркнул неожиданно Леак. – Да, понял, понял!

До меня сразу дошло, что он понял, так как снизу наперерез нам, как-то лениво, чтобы не сказать неуклюже, полезли непонятно откуда взявшиеся истребители. Высота у нас была порядка пяти тысяч, на большее этот рыдван неспособен. Скорость тоже почти предельная. «Интересно, – молнией сквозанула в голове запоздалая мысль, – а комендоры, комендоры-то на местах? Или их вообще нет, кроме того рыжего в нижней рубке?»

Пилот начал судорожно рыскать во все стороны – это на такой-то махине, мать твою! – и я понял, что все башни пусты. Снизу гулко загремели автоматические пушки, Леак судорожно схватился за свой пулемет – и это было все. Времени на удивление уже не оставалось. Я выпрыгнул из кресла, на ходу припоминая, что в коридорчике видел узкий лаз, ведущий, вероятно, в самую верхнюю башню. Ну, орлы, если вы нас раньше не собьете... а я в это не верю.

Нещадно ударяясь о стены – бомбер швыряло из стороны в сторону, – я в три прыжка преодолел кишку внутреннего хода и рванулся по вертикальным скобам вверх, вмиг очутился в полусферическом снаряжении из бронестекла и плюхнулся в довольно удобное кресло.

Торчащие перед лицом рукоятки спаренной автоматической пушки меня абсолютно не интересовали – я сразу развалил замки и отбросил ее наружу, чтобы не мешала. Турель имела хиловатый вид, и много времени мне не потребовалось. Несколько секунд ушло на то, чтобы нащупать ногами педали, разворачивающие этот куриный насест. Зато обзор отсюда, с широкой спины воздушного кита, был отличный. Я просунул ребристый ствол «Эйхлера» в дыру от пушки, удобно пристроив его на уцелевшей пятке турели. Вот вы, голубчики, как на ладони –

спереди заходить боитесь, два слева, три сзади, вы думаете, что тут никого нет... ну-ну, мальчик мой, постреляй мне по левому крылу... сейчас, дорогой.

Пронзительно-голубая стрела впиалась в сверкающий круг пропеллера, и истребитель буквально брызнул во все стороны массой расплавленных обломков. А! Что я говорил? Ну-ка, ну-ка, иди сюда... Ага!.. Обломки второй пташки ударили точно в мотор его ведомого. Сразу повалил белесый дым, ведомый лег на левое крыло и ушел вниз. Двое оставшихся – они, мерзавчики, уже успели издырявить в нескольких местах крылья и засадить кучу железа в наглухо забронированные капоты мотогондол – взмыли вверх, уходя вперед: наверное, решили на меня поохотиться. С их стороны это было наивное решение – один из них тотчас же оказался в секторе попадания носовых пулеметов, а второго я свалил раньше, чем он успел набрать необходимую высоту, – моя голубятня разворачивалась поразительно быстро.

Вот так-то, парни. Это вам не игрушки, Саша Королев хоть и лейтенант всего лишь, но крутизны необычайной – в случае нужды носком зарубить может. Надеюсь, впрочем, что до этого не дойдет...

Я развернулся вместе с башней лицом вперед. На горизонте голубой полоской поблескивало море. Залив Семи Снов. Значит, эти покойники были из какого-то прибрежного гарнизона. Нарвались-таки, да. За всю дорогу я не видел ни малейших следов присутствия инопланетной техники... Ничего удивительного в этом, конечно, нет, а все же – где же обретаются мальчишки Лейфа Крокера? Вопросик, да... планета ведь большая. Доридоттир, конечно, что-то разнюхал. И вообще, почему Фариер полез в ледяные пустыни Ягура? Проба пера, а на очереди – Либен, затем Ярзак? Где-то там, отделенный от Ярзака громадной пустыней, лежит таинственный Солфер, никто из наших там не был. Известно, что по уровню технического развития они превосходят Либен, у них, кажется, уже есть ядерная техника. И вообще, там, в южном полушарии, своя жизнь, и с севером они контактов не поддерживают. Сто лет назад была жесточайшая война между ними, и с тех пор... Тоже – вопросик из анекдота – двенадцать лет торчит на планете имперская миссия, а о южном полушарии ничего толком не знаем. Вот и допрыгались до Крокера.

Я положил шлем на колени и достал сигарету. Прохладно, однако... то есть нос мерзнет. В боевом снаряжении проблематично замерзнуть или вспотеть, если термосистема в порядке. Высота, и из дырки в остеклении дует словно из дюз... Проклятый нос! А курить хочется.

Внизу вдруг появилась Тин, растрепанная и радостная. Вскарабкалась по металлическим петлям, втиснулась в башенку.

– С тобой все в порядке? – Холодный нос прижался к моей щеке.

– Ага. А ты боялась? – Я посадил ее к себе на колени и куснул за ухо.

– Это ты их посбивал?

– Ну а кто, по-твоему? Слушай, а почему нет стрелков? И вообще, куда мы летим?

– А ты ничего не знаешь? – удивилась она. – Я тоже. Леак проговорился, что мы должны забрать каких-то людей... но где – не представляю.

Я отправил девчонку вниз, вышвырнул за борт окурок и надел шлем. Под нами лежал залив, бомбер шел по пологой дуге, забирая к западу. Скоро появится берег – мы срежем угол над лесостепью Ярзака и пойдем над океаном – снова на юг, точнее, на юго-юго-запад. Да, если мы идем к архипелагу, то пилот хорошо знает дорогу. Все эти петляния имели свой смысл. Мы проскочили над малонаселенной местностью. Интересно, а как мы пойдем обратно? Наверняка ведь в их военно-воздушном штабе орлы получили доклад: так, мол, и так, попер бомбер из Ягура непонятно куда, остановить не смогли, в верхней башне сидит какой-то сумасшедший, мечет молнии. Значит, ждите обратно, поднимайте в воздух гвардейский имени бога Фара легион, или что там у них... А воевать с целой оравой мне что-то не хочется. Я вообще заужал наш катафалк – вон, в крыльях дырок уйма, а он прет себе и прет. Может, возвращаться будем ночью? Ночью я могу рискнуть влезть в поединок с тремя десятками истребителей сразу – я-то

в темноте их вижу отлично, к тому же у меня в запасе куча всяких штучек типа микроракет с комбинированной системой наведения. В принципе, я могу сокрушить даже легкий имперский катер – в правом плече горбатится могучая пушка. Всего пять выстрелов, но каждым можно разворотить скалу.

Вдали, в легкой туманной дымке, появились очертания берега. Бомбер вошел в облака, чуть нырнул вниз, и моему взору предстала картина девственных лесов Ярзака, они начинались сразу же за береговыми дюнами. Леса простирались всюду, голубоватым маревом уходили за горизонт – и нигде не было ни малейших следов человека. Прелестная идиллия, но вот грохнуться в этой глуши – перспектива малоприятная. Хотя моторы тянут благополучно, все шесть, режут ровно и спокойно уже почти пять часов. Крепкий агрегат. Топлива должно хватить хоть до экватора.

Глядя на зеленый ковер, лениво проплывающий под нами, я расслабился и впал в состояние сладкого полусна – одновременно и спящий, и бодрствующий. Этому тоже учат в Академии – для отдыха нужно использовать любую возможную минуту. Потом такой возможности может и не представиться, а я к тому же и не очень-то выспался.

Из состояния протрации меня вывела Тин.

– Мы у цели, – сообщила она, – появились острова.

Я очухался окончательно и глянул вперед. Мы шли очень низко, метрах в пятистах от спокойной, как стекло, поверхности океана, приближаясь к длинной скальной гряде, иззубренной стеной торчащей из воды километрах в десяти. Бомбер здорово сбросил скорость и теперь осторожно крался над морем, словно хоронясь от кого-то. Неожиданно моторы яростно взревели, громадная махина легла на правое крыло и ушла в вираж, оставив скалы по левому борту и забирая вверх.

– Леак нервничает, – сказала Тин, – он все время кого-то вызывает, но ему не отвечают. Похоже, он сам не знает, куда дальше лететь.

Самолет поднялся до двух тысяч. Я включил свою электронику и принялся внимательно рассматривать несколько островов, лежащих перед нами. Один был довольно велик, но дальше, теряясь в тумане океанских испарений, виднелся какой-то берег... более солидный – вероятно, самый крупный клочок суши в этой группе. Похоже, мы шли именно туда – все близлежащие островки не подавали ни малейших признаков жизни, а не заметить висящий в небе тяжелый самолет невозможно – один лишь рев наших моторов слышен на многие километры.

Самолет опять снизился – на сей раз метров до ста, не больше, и снова лег в правый вираж, словно выискивая что-то в волнах. Пилот выровнял машину. Мы неслись настолько низко над водой, что казалось, еще немного – и концы лопастей громадных пропеллеров начнут рубить спокойную поверхность темно-зеленых вод.

Я повернулся налево и принялся разглядывать огромные замшелые скалы, проплывающие мимо нас. Остров оказался огромным – по крайней мере, изрезанная расщелинами и глубокими темными кавернами фиордов стена тянулась почти до горизонта. Впрочем, высота не позволяла составить точного представления о его истинных размерах...

Скорость резко возросла – похоже, пилот стремился выжать из машины все, что возможно, на этой высоте.

– По-моему, они нащупали связь, – прокричала Тин сквозь неистовый рык двигателей.

– О черт!.. – растерянно произнес я. – Этого не может...

Невероятной силы удар швырнул меня головой в остекление башни... но его, собственно, и так уже сорвало... пронзительно закричала Тин, хватая меня за ноги... то, что еще оставалось от развороченного фюзеляжа, ударило о воду... второго удара я дожидаться не стал.

Глава 7. Те же и железная рыба

Сознание я, естественно, не потерял – еще чего не хватало! Я ушел под воду метра на три, но меня это мало волновало, мой «ошейник» мигом поднялся, вошел в соответствующие пазы и наглухо загерметизировал стык шлема с наплечником. Тотчас же сработали и дыхательные патроны.

Честно говоря, после того, что я увидел, у меня не имелось ни малейшего желания всплыть на поверхность, но там была Тин – я успел ее выдернуть в едином броске своего тела. Впрочем, девчонка молодец – помогла мне, не растерялась, сама рванулась вверх.

Слабо шевеля ногами, я всплыл, приподнял голову над водой. Огляделся. Ага, вон она, рыжая мокрая голова. Я надул наплечник, чтобы легче держаться на поверхности, и подплыл к ней.

– Ох, – простонала Тин, – ты жив... жив... я думала, ты утонул.

Я открыл забрало шлема, стоя вертикально в воде благодаря раздутому наплечнику, оттолкнул какой-то обломок и спросил:

– Ты долго сможешь держаться на воде?

– Я отлично плаваю, – ответила она. – А что?

– Надо убираться отсюда. Как можно дальше.

– Саша, а что это было?

– Потом. Дотянешь до того островка? – Я махнул рукой в сторону буйно поросшего зеленой клочка суши километрах в пяти от нас.

Тин повернула голову.

– Наверное, да. А ты?

– Плыви давай, только старайся голову поменьше высовывать. Если увидишь, что кто-то или что-то нас преследует, нырнешь вниз – я под тобой. Вода теплая, давай.

На самом деле водичка была не особенно – я знал, что девчонка не доплывет. Но это сейчас не главное. В конце концов, главное другое. Начнет сдыхать, я ее дотяну.

Это не главное.

Я спустил нагрудник и погрузился в пучины вод, аки змей морской. Честно говоря, я все еще был в легком шоке. Откуда он мог тут взяться? И вообще – откуда?

Шеф ответил на мой вызов сразу.

– Что за чертовщина? – спросил он без предисловий.

– Полковник, – оборвал его я, – мне плевать, засекут меня или нет, – разговор шел штрих-кодом в субдиапазоне, даже если они и начнут слушать, все равно не расшифруют – на это нужно время и специальная аппаратура, а уж чего-чего, а декодеров такого класса у них точно нет, хотя после этого дела я уже готов был поверить во что угодно, – полковник, на острове в пятнадцати километрах от меня, в глубоком фиорде стоит линкор класса «Индепендент».

– Ого... – Детеринг не особенно удивился. – Ты как?

– Бултыхаюсь в воде, буду выбираться самостоятельно.

– Я постараюсь что-нибудь придумать. Вас сбили, конечно... Лететь я не могу.

– Я это понимаю, – ответил я. – Я выберусь.

– Не выберешься. Хорошо, я понял. Конец связи.

Так, дело сделано. Где там Тин? Я вынырнул, осторожно огляделся. Ага, вон она. Сразу и не увидишь. Молодец. Я снова ушел в воду, погрузился метра на полтора и вскоре очутился под бедной девчонкой. Тяжко ей было – комбинезон, сапоги, да и вода холодная. Но плывет пока. Хоть бы они не засекали передачу! Самое время позаботиться о собственной шее – а об остальном пускай Танк думает, ну их всех к черту! Не атаковать же мне с излучателем в руках

имперский линкор. Я и так сделал все, что мог, – надо еще и выбраться из этого дерьма, а уж увяз-то я в нем по уши. Это я хорошо умею.

Я всплыл.

– Как ты?

Тин слабо мотнула головой. Губы у нее уже были синие, и дышала она с трудом – а мы не проплыли и километра. Ад и дьяволы, она недотянет, это ясно.

Я раздул наплечник и приказал ей ухватиться за меня. Рыжая тотчас обессиленно села на меня верхом, положив голову на мой шлем. В таком виде мы и поплыли. Признаюсь, мне еще не приходилось таскать на себе такую ношу в воде. На тренажах я вполне успешно плавал с грузом на спине, но груз обычно не мешал шевелить конечностями.

Я, однако, загребал вполне сносно. Моя физическая форма, похоже, была не так уж и плоха. По крайней мере, до усталости было еще далеко. Тин комфортабельно устроилась у меня на закорках, обхватив ногами мой живот, и потихоньку пришла в себя. Правда, ее колотило от холода, но это меня не пугало – в моей аптечке много чего есть. Сейчас доплывем до суши, обсохнем, и я тебя, милая, ой как полечу...

В воде появился какой-то неясный гул. Низкий, медленно нарастающий шум. Я прислушался. Гудение шло не со стороны огромного острова, а из открытого моря. Но на поверхности ничего не было видно.

Я встал в воде вертикально и внимательно осмотрел спокойную поверхность воды широкими зигзагами до самого горизонта, с каждым проходом прибавляя увеличение. Вон, что это?

Из воды торчало что-то типа толстой черной трубки... да нет, она эллипсоидная в сечении и движется к нам, за ней бурун. Дальномер... три тысячи метров, и идет быстро.

– Слезай, – хрипло скомандовал я, раскрывая крышку маленькой коробочки на левой перчатке.

– Что случилось? Устал?

– Плыви, – устало сказал я. – Погоди...

Я обнял ее правой рукой, прикоснулся шлемом к мокрому лбу и оттолкнул от себя.

– Уходи... Быстрее.

– Да что с тобой?

– Уходи!!!

Ладно, орлы, мы еще попляшем. Пять выстрелов у меня есть. Сейчас ты, сволочь, всплывешь, и я тебе засажу их под рубку.

– Посмотрим. Пока я не расстреляю весь свой арсенал, вы меня не достанете. Интересно, а чья субмарина-то? Корварская, конечно, чья ж еще. Где еще на подлодках плавают? И надо ж было ее сюда переть – и чего ради?

Я нырнул, на поверхности остался лишь шлем.

На экране забрала мерно запульсировал красный треугольничек целеуказания. Все. Можно стрелять. Надеюсь, меня отшвырнет недалеко после первого выстрела. Важно удержаться в вертикальном положении лицом к противнику – тогда промах невозможен. Целеуказание уже в памяти баллистического компьютера, теперь я – готовая к стрельбе орудийная башня, а выстрел моей пушечки превратит ходовую рубку корварской субмарины в сплошное крошево из металла, пластика и плоти экипажа. В нижних отсеках, конечно, кто-то останется, но я еще тоже того... жив пока...

Гул в воде неожиданно прекратился, хотя в последние секунды он достиг апогея. Торчащий из воды отросток исчез, хотя до него по дальномеру было еще восемьсот метров. Я беспокойно огляделся. Неожиданно гул возник снова, но уже совсем рядом – могучая пугающая песня каких-то огромных механизмов, идущая из глубины.

Меня пробрала дрожь. Это была не корварская субмарина, нет, это было что-то колоссальное, какое-то циклопическое сооружение, на Корваре таких не строят. Проклятие, что это?! Что это может быть?

Гул стих. Метрах в пятистах в сторону открытого моря на поверхности появилась рябь, и неожиданно из воды в потоках шипящей белой пены вынырнул огромный, скругленной формы черный плавник. Отчаянно закричала Тин, болтавшаяся в воде в десятке метрах от меня.

Пена еще сбегала по лоснящейся поверхности руля, а левее меня, метрах самое большее в пятидесяти, разбрызгивая во все стороны белые хлопья, с рычащим шипением начал появляться заостренный нос подводного судна с каким-то наростом сверху, тщательно зализанный, шокирующе черная гора посреди белых пенных струй.

Носовой мостик – а это, несомненно, был он – поднялся из воды метров на десять, вся спина подводного колосса осталась скрытой от глаз. В длину эта махина имела пятьсот сорок метров – это я машинально отметил по дальномеру. Она была впятеро крупнее любой корварской субмарины... что же это?

В верхней части мостика распахнулся люк, из него проворно выскочил смуглокожий человек в ярко-желтом комбинезоне. Одного взгляда мне хватило для того, чтобы понять – передо мной южанин. Хотя у нас общие предки, за семь тысячелетий аборигены все-таки изменились настолько, что с terra homo их не спутаешь. Хотя они, собственно, тоже terra...

Подводник нагнулся и быстрым движением сбросил вниз какой-то тюк. Падая, тот развернулся и превратился в плетеную лестницу.

– Эй, – заорал он по-либенски, – сюда, скорее! Скорее, если вы не хотите, чтобы они вас достали!

Черт возьми, следили они за нами, что ли? Впрочем, после его реплики «про них» у меня не оставалось сомнений. В три рывка доплыв до Тин, я схватил ее за шиворот и быстро поплыл к трапу.

– О, – простонала она, – я не смогу. Я не залезу...

– Цепляйся и держись! – рявкнул я и метнулся вверх.

При моем появлении на мостике моряк позеленел от изумления. Не дав ему сказать и слова, я живо отодвинул его в сторону и принялся выбирать трап вместе с висящей Тин. Придя чуточку в себя, южанин рванулся мне на помощь, и вдвоем мы быстро вытащили дрожащую девушку на узкий пятачок мостика.

– Командуйте погружение, – хрипло сказал я. – Скорее, они нас наверняка видели... сейчас тут начнется каша.

– Давайте в люк, – ответил южанин.

Мы нырнули в узкую горловину люка, я помог Тин спуститься по крутой металлической лесенке, и остановились в тесном, слабо освещенном коридорчике, дожидаясь, пока наш спаситель справится с механизмом. Проскользнув наконец мимо нас, он приглашающе махнул рукой и двинулся по коридору. Мы последовали за ним. Лодка тем временем дрогнула и начала погружаться.

Миновав еще пару лестниц, мы неожиданно вошли в довольно просторное, освещенное мягким зеленым светом помещение, заполненное людьми. У широкого пульта, над которым был размещен многосекционный обзорный экран, в высоких креслах сидели трое в таких же комбинезонах, как и у нашего провожатого. Еще несколько человек располагались у каких-то стоек управления. При нашем появлении все тотчас повернули головы.

– Кто командир судна? – спросил я.

Из кресла возле пульта поднялся высокий смуглый мужчина, его кофейного цвета лицо с тонкими чертами и острыми скулами странно контрастировало с мягкими светлыми волосами, длинными сзади и аккуратно подстриженными сбоку и спереди.

– Кто вы? – спокойно поинтересовался он.

– Я офицер имперской Службы безопасности, – быстро ответил я, – спасая нас, вы подвергаетесь огромной опасности. В одном из фиордов рядом с нами стоит космический корабль, обладающий колоссальной разрушительной мощью.

– Я знаю об этом, – спокойно ответил командир, – и принял меры. Мы думали, что вы пассажиры либенского бомбовоза, сбитого этими варварами.

– Они охотятся за мной! – выкрикнул я. – Они знают, что я здесь, они наверняка видели, как вы поднимали нас.

– Да, – согласился он, – вы непохожи на них... Вам не о чем беспокоиться. Мы нырнем на предельно возможную в этих водах глубину и быстро выберемся в открытое море задним ходом.

– О, – я кивнул, – я понял. Ну что ж... Я благодарю вас за наше спасение... моей девушке нужен врач, она очень замерзла.

Командир отдал несколько быстрых команд на каком-то незнакомом мне резком языке.

– Вам тоже необходимо обсохнуть, – заметил он. – И... простите, вы – человек?

Только тут до меня дошло, что я стою перед ним в наглухо закрытом шлеме. Я рассмеялся, разомкнул замки и сдернул его с головы.

Взгляд командира быстро потеплел.

– Вашу подругу сейчас заберут. А вы, наверное, хотите отдохнуть?

– Нет, – я махнул рукой, – в первую очередь я хотел бы побеседовать с вами.

– Ну что ж... Идемте, я сам отведу вас в свободную каюту.

Снова несколько резких команд, и мы двинулись вниз.

Миновав полдесятка лестниц и узких переходов, командир отпер почти незаметную овальную дверь в каком-то тускло освещенном коридорчике и приглашающе махнул рукой.

Я переступил комингс и очутился в небольшом полукруглом помещении. Пол был устлан мягким ковром, у стены стояла удобная мягкая койка, посреди каюты – низкий круглый столик и три глубоких кресла.

– Ваша каюта, – объявил командир, – лучшего, к сожалению, я вам дать не могу.

– Спасибо и на этом, – усмехнулся я, плюхаясь в кресло. – Садитесь. Итак, прошу прощения, но прежде всего нам необходимо добиться ясности в вопросе взаимного доверия.

– Э-ээ... – Капитан наморщил нос. – Мой либенский далек от совершенства... я не совсем вас понял.

– Судя по тому, что вы не потрудились меня разоружить, и по тому, что рядом с нами нет никакой охраны, вы мне вполне доверяете. Это хорошо. Примите мои извинения, но я должен выяснить, насколько я могу доверять вам. Поэтому позвольте задать вам несколько вопросов.

– Без возражений. – Командир смотрел на меня спокойным открытым взглядом.

– Какую страну вы представляете?

– Южная Конфедерация.

– Какова цель вашего плавания?

– Наблюдение за архипелагом Мойя.

– Ага... цель наблюдения?

– Глубинная разведка. Нами была заброшена разведгруппа, она попала в руки варваров... тех, кто охотится за вами, но несколько людей с корабля были захвачены нами.

– Ого. Хорошо, что вам известно об Империи?

– Весьма немного. Мы не пытались вступить в контакт с вашей миссией в Либене, но наши разведчики принесли некоторую информацию.

– Что вам известно о цели пребывания на планете людей с корабля?

– Они стараются захватить контроль над Рогнармом, это мы знаем точно. Но по каким-то причинам они вынуждены действовать тайно. Конфедерация пытается противодействовать их попыткам.

– Что вы знаете о галактическом статусе этих людей?

– Они называют себя свободными торговцами, однако это не вяжется с их способом действия.

– Так. Это интересно. Хорошо. Что вам известно о взаимоотношениях этих людей с галактическими гуманоидными метрополиями, с Империей в частности?

– Ничего.

– Превосходно, – я встал и протянул ему затянутую в черную перчатку руку, – я Александр Ричард Королев, первый лейтенант имперской Службы безопасности, офицер по иным культурам в штате разведуправления СБ.

Командир приподнялся и недоуменно взял мою ладонь обеими руками.

– Мое имя Лудрикт Ройс Дректен, я эрсфрикс флота Конфедерации, командир судна.

– Послушайте, эрсфрикс, вы не будете возражать, если я начну пускать ароматный дым? Как у вас с регенерацией?

– Дым? – выпучил глаза командир. – Как – дым?

Я усмехнулся и достал сигарету из непромокаемого кармана. Обмундирование мое, собственно, уже высохло – эта ткань сохнет молниеносно, так как вообще не намокает.

– Это наркотик? – беспокойно поинтересовался Дректен, приняхиваясь.

– Он не вызывает стойкого привыкания, – ответил я, – и абсолютно безвреден, оказывает тонизирующее действие. Н-да, так вот. Эти люди, которые называют себя торговцами, на самом деле грабители, космические пираты. Они нападают на незащитные коммерческие транспорты...

– Э... Но что им нужно здесь?

– О-оо, это долгая история. Рогнар им нужен как база для организации набегов. Понимаете, если им удастся захватить планету, мы будем совершенно бессильны. Десантная операция, имеющая целью уничтожение этой мрази, повлечет за собой колоссальные жертвы среди коренного населения. Ни Империя, ни любая другая метрополия не решится на такие меры, как привлечение организованных военных сил.

– Это очень интересно, – заерзал в кресле моряк. – И вы?..

Я кивнул.

– Да, мы пытаемся противостоять им, чтобы решить дело малой кровью. Где люди, которых вам удалось захватить?

– Они пробовали бежать, – поморщился Дректен. – Но среди них были двое...

– Кто – двое?..

– Они не были людьми. Один – с огромными прозрачными глазами, очень высокий. А другой – с элементами внешнего скелета, хотя и похожий на человека... вытянутая морда, перепончатые ноги. Они заплыли на легкой лодке далеко в море, и мы...

– Это были лиддан и корварец. А остальные?

– Другие двое – люди, такие, как вы.

– Ничего удивительного, там собрался сброд с разных миров. Гм... хотел бы я знать – сколько человек находится на линкоре... Командир, куда вы сейчас направляетесь?

– Мы взяли курс на юг, в порты Конфедерации. Вообще вам очень повезло. Мы огибали архипелаг, когда я увидел эту трагедию в воздухе и развернул корабль.

Он поднялся.

– Вам принесут пищу. Мне необходимо находиться в рубке, простите. Я смогу навестить вас вечером?

– Конечно, не стесняйтесь. Девушку отправьте ко мне...

Детеринг ответил мне только с третьего вызова. Я вкратце обрисовал ему ситуацию. Он удивился и полминуты что-то говорил вполголоса в сторону.

– Так-так. Подводная лодка, говоришь? Гм... Интересно. Впрочем, никто не знает, что там на Юге творится, да. Хорошо. Сиди пока там. Скоро понадобится.

Как всегда, ни слова о будущих действиях. Вообще, насколько я уже стал понимать, Танк в принципе никогда не строит планов. Интересный у него подход к ремеслу. Похоже, он в состоянии с любой временной точки мгновенно экстраполировать развитие ситуации во всех возможных направлениях. Влияние фактора неожиданности он сводит к минимуму. Черт, а ведь он прав... хотя, конечно, нужны мозги что бортовой киберком – но когда ты реально способен на такие фокусы, становишься если не непотопляемым, то уж хоть готовым к любым вариантам. И никакое планирование не нужно – ты импровизируешь на тему ситуации, ежесекундно просчитывая следующий аккорд. А следуя заранее готовым планам, садишься на задницу – уж на эти-то киксы я насмотрелся! – потому что на сто процентов предусмотреть ситуацию нереально, и чем тщательнее проработка планов, тем страшнее тот самый фактор неожиданности. Вот я герой! Аналитик! Нет, все просто, как заклепка, кроме одного – способности к оным импровизациям. Снайперски точным... а у него иначе и не бывает.

Глава 8. Когти старого Танка

Появление Тин вырвало меня из легкого полусна. Она вошла, молча сбросила сапоги и свой кожаный комбинезон. Лицо ее выглядело измученным. Я сел на кровати, подобрав колени, она все так же молча улеглась поверх мохнатого пледа, оперев затылок в мое бедро.

– Как ты, детеныш мой?

– Хорошо... Они накормили меня, обсушили. Почему ты отгонял меня тогда... в море?

– Я решил, что пришло время умирать.

Тин перевернулась на живот, посмотрела на меня, потом вернулась к прежней позе.

– Наверное, ваши женщины поступают иначе, – сказала она, глядя в потолок. – Но я пойду за тобой везде.

Я вздохнул. К этому разговору я не был готов. Но раз уж он начался...

– Тин, ты ведь не ребенок, – пойми меня – я не знаю, что меня ждет. Я могу погибнуть, я рискую своей жизнью, но это моя работа, я – воин, я дал клятву верности своей стране. Я выполняю приказы... Но при чем здесь ты? И дальше... когда-нибудь мы вышибем отсюда этих тварей, и я вернусь домой. Я могу взять тебя с собой, но у меня нет ни земель, ни замков, я совсем небогат.

– У меня уже тоже нет ничего, – мрачно перебила меня Тин. – А ваша Империя, ха, она настолько бедна, что держит в нищете своих офицеров? Тогда ты останешься здесь.

– Нет... О черт!.. Я просто хотел сказать, что не отношусь к разряду денежных мешков. Конечно, у меня есть коттедж в столице, есть маленькое ранчо в районе курортных центров, у меня два автомобиля, правда, недорогих. Но, ха-ха, Империя – это не Рогнар. Я живу на столичной планете, там очень много действительно богатых людей, и я не отношусь к их числу.

– Какие глупости мы говорим! – вдруг расхохоталась Тин, переворачиваясь на живот. – Хорошо бы нам и вправду остаться в живых!

* * *

– На поверхности шторм, – Дреккен все еще тер глаза, – в это время года здесь не бывает спокойной погоды... и, между прочим, тьма кромешная. Луны укрыты тучами. Интересно, – он попытался улыбнуться, – сколько лун у вашей планеты?

– Одна, – ответил я, – очень маленькая и очень далеко. Ее видно лишь в ясные ночи. Моя планета меньше Рогнара и расположена ближе к солнцу. И у нас не так резки сезонные изменения климата...

Он покачал головой.

– Идемте, сейчас мы вынырнем.

Мы покинули рубку.

– Не представляю, как он вас снимет. – Командир затянул капюшон и принялся отдраивать люк в переборке.

– Увидите... Если мне понадобится контакт с Конфедерацией, в какие структуры мне обратиться?

– Разведуправление флота... можете назвать мое имя. Я доложу о вас.

– Разумеется...

Мы миновали последнюю лестницу. Дреккен нажал несколько кнопок на тускло освещенной панели. Прямоугольный люк над нашими головами ушел в сторону, и в образовавшийся проем хлынули струи воды. Тин едва слышно выругалась.

Я прыгнул вверх. Ничем не огражденная площадка мостика остервенело плясала под моими ногами, то и дело заливаемая водой. Я кое-как уцепился за какую-то выпуклость, зафик-

сировался на четвереньках и глянул вверх. Метрах в пятидесяти над пенными верхушками водяных валов, почти доходивших высотой до мостика, слева от нас висел хищный силуэт русского атмосферного катера – мощной универсальной машины.

– Смотри, чтоб тебя не смыло, – услышал я голос Доридоттира. Сейчас я прицелюсь... вас так болтает из стороны в сторону, что не могу поймать фокус.

Катер снизился метров до пятнадцати и завис почти точно над нами. В грохоте волн слабый гул его двигателей был еле слышен.

– Это ваш? – прокричал сквозь шум бури Дректен, оказавшийся рядом со мной.

– Наш, но там – не человек, – проорал я в ответ, – и катер создан не нами... это росс!

Доридоттир наконец завел точку в фокус. Из днища катера брызнула светящаяся зеленая колонна антигравитационного транспортера и зафиксировалась в метре от нас.

– Тин, пошла! – заорал я.

– Давай, – сказал Доридоттир, – и поживее там.

– Пошла, скорее!

Я буквально вкинул ее в основание нереально искрящегося полупрозрачного столба. Девушка, дрыгая в испуге ногами, быстро пошла вверх. Через несколько секунд она исчезла в черном днище машины.

– Прощайте, командир! Спасибо за все! Погружайтесь!

Я с размаху хлопнул Дректена по мокрому плечу и нырнул в колонну. Шум сразу стих – тишина сперва оглушила. Ноги оторвались от металла, и меня быстро понесло вверх – я успел увидеть исчезающего в пронизанной брызгами тьме Дректена на мостике, еле различимый огромный силуэт субмарины в безумствующих волнах.

Едва я очутился в мягком свете приемной камеры, как в корме свирепо взревели двигатели и катер круто пошел вверх.

– Испугалась?

Тин кивнула и поежилась.

– Промокла?

– Не успела, – она мотнула влажной головой и закинула назад волосы, – голова только.

– Ничего... идем.

Я распахнул дверь в переборке и шагнул в уютный экипажный салон. Миновав его, мы очутились в полутемной ходовой рубке.

– Привет, – Доридоттир полуобернулся в высоком кресле пилота, – все в порядке?

– Отличная работа, генерал.

– Слишком хорошо сказано, мальчик. А рыжая промокла? Бедняга.

Продолжая держать левую руку на изящно изогнутой Т-образной консоли управления, торчащей из точки посреди четырех обзорных экранов – два уходили в низкий потолок, два превращались в часть пола, – он чуть откинулся назад вместе с креслом и достал правой рукой что-то из потолочной ниши. Это «что-то» оказалось пушистым полотенцем.

– Возьми, маленькая. – Мускулистая рука, плотно обтянутая глянцево-черным пластиком, протянула Тин полотенце.

– Спасибо... – Тин с удивлением проводила взглядом длинную семипалую ладонь. Ей еще не приходилось видеть Доридоттира вблизи.

– Вы садитесь, ребята, вон там, в кресла. Ты, маленькая, не обижайся, что я так вот тебя называю. Мне 95 лет, я уж по-стариковски, сама понимаешь...

Тин бросила на меня удивленный взгляд, опускаясь в кресло рядом с выдвинутой панелью дальней связи.

– Генерал не шутит, – заверил я ее.

– Нисколько, – откликнулся Доридоттир, – у нас просто термодинамика немножко другая, мы дольше живем. Чуть дольше вас. Но все равно я уже не молод... Пропитан я пылью сверкающей звездных дорог... ах, не звучит это на вашем языке!

– Прекрасный экспромт, – вежливо заметил я.

– Это не экспромт, – грустно ответил Доридоттир, – я сложил этот узор много лет назад... это была поэма. Я еще успел впитать восхитительные древние традиции, что змеятся в туманных линиях рун и теряются в тлене веков. Так... приехали, вон он. Сашенька, – он обернулся, – ты герметизируйся потихоньку, сейчас предстоит не самая приятная прогулка на свете. Дядюшка Танк мучает свой киберком и требует тебя на борт. А высота – двадцать пять тысяч, сам понимаешь... Я сейчас подгоню катер к спине «Тандерберда», и ты переберешься туда. Как раз через транспорт-дек тебе удобно будет. Вниз не смотри, и все. А девочка пока у меня останется.

Я глянул на экраны и почувствовал, что зеленею. Шуточки – прогуляться на высоте в двадцать пять километров с одного катера на другой!

– Понял, – ответил я. – А вы?

– А у меня свои дела, Саша. Все будет в порядке. Девочка, ты, пожалуй, пересаживайся ко мне, – он приглашающе похлопал рукой по второму пилотскому креслу, – так нам веселей будет. Мы сейчас высоко поднимемся...

Я сжал тонкую ладонь Тин, успокаивающе кивнул ей и вышел. «Тандерберд» висел уже почти под нами. В приемной камере я открыл люк. Когда обе створки полностью скрылись в своих пазухах, меня пробила мелкая дрожь. В паре метров от моих ног влажно поблескивала черная спина «TR-160».

Я глубоко вздохнул и полез вниз. Повис на руках. Огляделся. Зрелище, которое предстало перед светлыми очами моими, способно было свести с ума кого угодно. Отсюда, с двадцати пяти тысяч, лучше было не глядеть. Кругом царилась ночь. Где-то далеко внизу слабо золотились игольчатые уколы каких-то огоньков, к востоку едва заметной мутной пеленой лежали облака.

Я отпустил руки и довольно удачно приземлился на полированную черную броню, сразу встав на четвереньки, и, не глядя по сторонам (только вперед!), пополз к двум огромным килям в кормовой части. Все было бы ничего, если бы не порывы резкого бокового ветра... два метра пути вымотали меня настолько, что я лег на живот, вцепившись пальцами правой руки в щели воздухозаборника. Оставалось еще метра три.

– Королев, – раздался в шлеме голос Детеринга, – ты уже летишь или ты еще ползешь? Королев?

– А, – прохрипел я, – ползу. Ветер...

– Ветер? Далеко тебе еще? А? Говори!

– Метра... метра три.

– А ну спокойно! Спокойно! – голос хлестнул по сознанию, словно удар бича. – Я помогу тебе. Пошел потихоньку.

Я почувствовал, что нос «Тандерберда» задирается вверх. Это облегчало дело. Я отцепился от щели и на животе полез вперед... теперь уже вниз.

Через полминуты я нырнул в раскрытую пасть верхнего створа транспорт-дека, слез на крышу танка, спрыгнул вниз и, переводя на ходу давно потерянное дыхание, быстро зашагал в нос. Войдя в рубку, я застал Детеринга в пилотском кресле.

– Молодчина, – приветствовал он меня, – только что-то зеленоват. Ничего, тебе это идет. Садись. Жрал что-нибудь? Еще минут пять у нас есть... Давай, малый, грызни чего Бог послал, да... Потом некогда будет.

В разговоре Детеринга было весьма трудно отделить юмор от серьезных вещей – ибо, постоянно сохраняя свой равнодушно-элегантный вид, он не переставал сыпать шуточками.

Он усадил меня в левое пилотское кресло, извлек целую кучу пакетов с консервами, а сам развалился возле связной стойки, закурил и произнес:

– Это «Индепендент JW-9», он исчез вместе с экипажем восемь лет назад, во время перегона с Эстре на Ралторре. На борту находились лишь тридцать человек, необходимых для управления кораблем в одну смену, – кто-то этим и воспользовался. Наверняка не обошлось без предательства. После этого он не появлялся... и вот он где...

Я воспользовался командным киберкомом нашего «Кэмела» – ведь он, в сущности, летающий КП – и выяснил «родные» коды центральной АСУ линкора. И она отозвалась на мой призыв, да...

В нужный момент киберком корабля по команде с «Кэмела» откроет нам носовой шлюз – и мы их, голубчиков, порешим, а сам линкор отгоним в одно веселое место в районе Северного полюса. Их там всего четырнадцать человек, мы их быстро сделаем.

– Так просто? – изумился я.

– Да не так-то и просто... Понимаешь, в каждом тяжелом корабле центральный киберком имеет коды, командные коды ДУ по ряду функций, которые знают лишь командир и первый пилот. Экипаж перегона о них, разумеется, не имел ни малейшего представления.

– Я об этом вообще не слышал.

– Теперь – слышишь... А заблокировать ячейки можно, лишь зная код... набор определенных частотных модуляций. При этом кодовый призыв имеет приоритет даже перед командами из ходовой рубки. Мы можем вообще уничтожить эту машину, но если я дам команду на подрыв ее боеприпаса, то весь этот архипелаг взлетит на воздух. Да... нам важно ворваться в носовые отсеки, а там, я думаю, разберемся на месте.

– А куда умчался Доридоттир?

– За Рокаром. Они отгонят корабль за пределы системы.

– Вдвоем?!

– В экипаже «Кэмела» нет людей, которые могли бы нам помочь, а эволюционировать в системе будет некогда. Люди с «Кэмела» перейдут на борт линкора тогда, когда он окажется вне зоны возможного поражения с планеты. Брать сюда обычных офицеров Военно-Космических Сил – это идиотизм.

– А Рокар?

– А Рокар – рейнджер... в недалеком прошлом. Честно говоря, я и не думал, что это кино примет такой оборот. Но... такова жизнь, да.

Детеринг глянул на часы и хмыкнул.

– Поехали... Пусть лучше будет запас времени.

Он занял мое место, а я переместился вправо. «TR-160» качнулся и скользнул вниз. В левом верхнем углу экрана вспыхнула сонарная карта архипелага. Катер стремительно снижался.

– Справа от тебя – тест-система, – произнес Танк, – проверь наличие заградительных полей и радиус слежения. – Я потыкал пальцем в сенсоры на панели.

– Ни того, ни другого. Они, видимо, затаились в режиме полной маскировки.

– Тоже правильно, конечно. Что ж, это облегчает нам задачу. Хорошо... Иди в транспорт-дек, заберись в танк и жди. Как только мы сядем, сразу выкатывайся на улицу. Слип я отброшу сам, чтобы ты не терял времени. Не забудь проверить свое снаряжение, мы не на пикник едем.

Я кивнул, вылез из кресла и покинул рубку.

Танк стоял как положено – то есть носом к люку. Я влез в темное нутро кабины управления, включил верхний свет и принялся «дозаряжаться» из потолочного оружейного шкафа. После стрельбы по воздушным целям у меня осталось всего три магазина к «Эйхлеру». Я насовал в их специальные карманы столько мини-снарядов, сколько мог, предвкушая хорошую

пальбу. Проверил батареи и кислородные патроны в шлеме, прогнал шлем во всех режимах, довольно хмыкнул и уселся в удобное высокое кресло перед пультом.

Как там, интересно, Тин? Представляю себе ее эмоции, когда она увидит Рогнар из космоса. Кажется, мне здорово повезло с этой девчонкой. Какой разительный контраст в сравнении с изнеженными имперскими красотками! Все-таки обидно, как ни крути. Что о ней думать, выбраться б отсюда, в такой-то мясорубке я еще не бывал. И – с другой стороны – куда, к черту, тащить в метрополию баронскую дочку, когда сам-то я – кто?

«Комплексуешь, Королев, – сказал я себе. – Этого-то сейчас тебе и не хватало, а?»

Катер коснулся твердой поверхности. Все мысли улетели прочь – я нажал клавишу, за спиной взревели двигатели. Бесшумно рухнул слип, явив пред мои очи каменистый пляж, омываемый довольно приличной волной. Лун, к счастью, не было, да и звезд – тоже, вся картинка тонула в косых струях поистине вселенского потопа.

Я обрушил ногу на педаль, и танк вылетел наружу. Пока шеф поднимал слип и давал команды по консервации, я выбросил антенну и быстро сориентировался – короткими импульсами, всего один оборот, чтобы не засекали. Так и есть. Мы находились на крохотном скалистом островке, Детеринг выбрал единственно возможное для посадки место – рядом уже ничего не посадишь, тут и танк развернуть негде. До финиша около двадцати километров... сразу чувствуется хищная манера Детеринга – подкрадываться издалека.

Мягко шелкнул люк, и в кабину влетел мокрый шеф, поливая темный ворс пола стекавшей с него водой.

– Пошел! – холодно рявкнул он. – Поживее давай. Мы идем с опережением, но можем его потерять, а опаздывать нам нельзя.

Я бросил танк навстречу волнам. Влажно чавкнули водометы, и танк, чуть покачиваясь, метнулся на северо-восток.

– Оставишь танк в скалах, – сказал Детеринг, – прямо на берегу. Мы зайдем туда с северной стороны, там удобнее спуститься в фиорд. Носовые шлюзы на уровне воды. И учти – стрелять по всему живому, не дожидаясь, пока оно в тебя выстрелит. Дальше: ты когда-нибудь поднимал линкор?

– Нет, – я в изумлении воззрился на него, – а что?

– Они могут успеть позвать на помощь. Это, конечно, не значит, что они успеют... но случайности мне не нужны. Поэтому действуем приблизительно так: я блокирую пост связи и командирский зал, а ты пробиваешься в ходовую рубку. Твоя задача – отогнать линкор на пеленги Доридоттира в район Северного полюса. Там же нас ждет и «Тандерберд». Яур бросил там маяк, ты его отчетливо увидишь на боевой частоте. Мы на катере будем блокировать планету. Что касается управления: ты летал на «Кинг Дрэгоне»?

– Фрегат-носитель? Да, пару раз.

– Управление практически идентично. Главное – не переусердствуй с моторами, а то улетишь черт-те куда.

Меня прошиб пот. Проклятие! Линкор, мягко говоря, мало предназначен для полетов в атмосфере. Что он от меня хочет? Я что, ас?

– Бери правее! – скомандовал Танк.

На экране появился каменистый берег. Через полминуты я уловил узенький пологий пяточок на берегу, и еще через минуту широкие гусеницы со скрежетом выбросили бронированного зверя на сушу. Управление переключилось автоматически; я вывернул штурвал и, лихо манипулируя педалью акселератора, загнал танк в узкую расщелину в скалах.

Детеринг вынырнул наружу, я включил автоконсервацию и прыгнул следом, на ходу захлопывая забрало шлема. Дожда здесь почти не наблюдалось, он остался южнее. Но сырости было в избытке, прыганье по скользким каменюкам вслед за сумеречной фигурой шефа не доставляло мне особого наслаждения.

Детеринг карабкался на самый верх прибрежных утесов, и я начал догадываться, что там, дальше – огромный фиорд, каменный залив, в котором мирно плавают колоссальная боевая машина.

Подъем затягивался. Гранитный массив был достаточно пологим, но мокрые камни не особо располагали к предложенному шефом темпу. У меня вообще стало возникать подозрение, что у него на сапогах и перчатках присоски. Или его папа был корварским скальным ящером?

Наконец вершина утеса, до того сливавшаяся с сумраком темного неба и едва видимая в моем ПНВ, отчетливо проступила изрезанной линией... дальше была липкая тьма.

Узкий, едва заметный силуэт Детеринга мелькнул и исчез. Я удивленно выругался, бросил свое тело вверх в финальном рывке и едва не споткнулся о некий плоский предмет, намертво прилипший к скале. Ну конечно, «липучка»! Барабан с тонкой лентой... Она уходила через щель между валунами – чуть вверх, а потом, очевидно, вниз. Ухватившись за нее – туго натянутую! – я перемахнул через последние булыжники... и замер в немом ужасе.

Каменный мешок был огромен, но не он так поразил меня. Чудовищная черная башня лежала внизу. Я стоял как раз на уровне носа, недалеко от выхода из фиорда. Кормовые моторы управления, каждый размером с южную подлодку, торчали почти на уровне моих глаз, но... километрах в пятнадцати от меня, косо вынесенные вверх двумя огромными пилонами типа самолетного киля. Еще два, надо понимать, пребывали под водой.

Я ухватился за ленту и скользнул вниз. Черт бы меня побрал. Я и не думал, что мы с Детерингом проскакали верных шесть километров по этой скале. Я глянул вниз, но увидел лишь едва заметное пятно, скользящее вдоль почти отвесной стены.

Детеринг дожидался меня у поверхности воды.

– У нас две минуты, – сообщил он. – Поплыли, лучше передохнем под бортом.

Он без всплеска ушел в воду и нырнул в глубину. Я загерметизировался и тоже почти бесшумно скользнул в черное зеркало залива. До борта было меньше километра.

Плавал я всегда здорово, и держаться рядом с шефом мне не составило особого труда. Заплыв не занял много времени, и вскоре мы вынырнули рядом с уходящей во все стороны черной стеной.

– Отлично. – Детеринг глянул на часы. – Итак, главное – не накрути с моторами. Фиорд смотрит на юг, выходи отсюда, стартуй под углом в 15°, разворачивайся и лови маяк по основной боевой частоте «свой – чужой». Садиться не бойся, там огромная равнина, снегу по шею. И стреляй их всех, а то они разбегутся по кораблю, как тараканы. Как я понимаю, вся эта публика торчит в носовой рубке.

Прямо над нашими головами раздался свист. Стена дрогнула, нарисовался большой прямоугольник... стал уходить внутрь...

Детеринг выпрыгнул из воды, как дельфин.

Глава 9. Мясорубка на высоте

По кораблю разливалась сирена.

В тот момент, когда внутренняя дверь ушла вниз, в руках Детеринга загрохотал излучатель. Четыре полуодетые фигуры с разнообразным оружием в руках исчезли в огненном фонтане.

Я начал свой бег. Детеринг нырнул вправо, и там тотчас загрохотали выстрелы. Я несся по пустому пока коридору... неожиданно межсекторная диафрагма в десятке метров от меня начала сжиматься. Я вбил в нее весь магазин и успел проскочить в оплавленное кольцо... навстречу выбежали трое: парень, девушка лет двадцати трех и корварец. Нас разделяло метров пятнадцать, парень вскинул бластер, девушка, увидев несущуюся по коридору смерть, выронила имперский лазер. Короткая очередь. Щелчок вылетевшего магазина. «Эйхлер» пуст. Удар в плечо. Рывок левой руки – грохот моего «Тайлера» – парень с бластером падает с разворотной грудью. Еще рывок – сухой звон втыкаемого магазина – струя пламени, нога девушки летит в мою сторону, корварца отшвыривает вглубь коридора. Я весь в брызгах крови, но это несущественно. Бегом по движущемуся эскалатору. Вверху крики. Пушка активирована. Длинный коридор. Двое за щитом станкового лазера... выстрел... удар плечом о переборку – криков больше нет, откуда-то летят чьи-то руки, обломки щита и осколки лазера. Поворот направо. Ходовая рубка.

– Шеф! – хрипло позвал я, садясь в пилотское кресло. – Я в рубке.

– Молодец. Скольких ты укокошил?

– Пятерых.

– Отлично, парень! Взлетай, у тебя за спиной никого нет.

Я с обреченным видом оглядел бескрайний пульт и выдал команду на запуск двигателей. Корабль дрогнул. Я куснул губу и тронул рукоятку нагнетателей.

Скалы остались позади. Ну что ж... Из кормы по всему кораблю прокатилась волна гулко-го рева. Титаническая махина линкора пошла на взлет.

На экраны я не смотрел. И без того было ясно, что корабль легко оторвался от поверхности воды. Где же панель ручного управления? А, вот она. Так... руки действовали быстрее головы.

Притупил реакции исполнительных систем, чуть склонил штурвал. Нормально. Осторожно перевел корабль в горизонтальный полет. Включил блок опознания. Сигнал маяка «прошел» сразу.

Разворот. Скорость, скорость, проклятие! Если убрать обороты в нагнетателях, то рухнем...

Пальцы забегали по сенсорам выдвижной панели навигационного мозга. Целеуказание... захват... отлично! Курсовая ось... поехали.

– Лег на курс, командир, – сипло сообщил я.

– Хорошо. Будь осторожен при посадке, – отозвался Детеринг. – Когда сядем, рубку не покидай. Двое от меня удрали, они где-то в генераторных ямах. Сразу после посадки открой левый носовой шлюз.

– Понял... начинаю снижение.

«Главное – не промахнуться», – сказал я себе. В пятистах километрах от финиша я начал гасить скорость. Тормозная система заставила меня понервничать, но вот, наконец, в днище раскрылись клюзы посадочных моторов... с гулким «ух-х» отстрелились огромные опоры шасси. Слева мелькнули очертания «Тандерберда», самостоятельно добравшегося до маяка. Тормозные двигатели взревели в последний раз, я сосредоточился на штурвале... Все!

Я содрал с головы шлем и откинулся на высокую спинку. Доставая правой сигареты, левой рукой нащупал сенсор левого носового шлюза. Закурил.

В коридоре раздались негромкие шаги. Я моментально выдернул из петель на бедре «Эйхлер» и развернулся вместе с креслом. В рубку вошел Детеринг.

– На колени! – рявкнул он, снимая с себя шлем.

Я недоуменно сполз с кресла и опустился на колени.

– Не так! На одно!

Все еще ничего не понимая, я выполнил его распоряжение и принял позу древнего рыцаря. Детеринг вынул меч и плашмя ударил меня по правому плечу.

– Капитан! – провозгласил он.

Я поднял голову и заплетающимся от изумления языком произнес уставную фразу:

– Верность и честь!

Детеринг вернул клинок в ножны и потрепал меня по голове.

– Я там немного завозился... хотел взять «языка», но не удалось. А вот и наши.

В рубку вошли Доридоттир и Рокар. Россианин снял с головы рогатый шлем и проскрипел:

– Там жуткий холод, джентльмены. И метель.

Рокар, облаченный в легкий скафандр, молча хлопнул Детеринга по плечу, пожал мне руку и только после этого раскрыл рот:

– Имперский патруль будет через восемнадцать часов. Русский – через двадцать.

– Отлично, – Детеринг ухмыльнулся и ткнул Рокара кулаком в грудь, – в метрополии знают?

– Теперь да. Мы вышли через Килборн-7, – ответил Рокар, – я говорил лично с Нетвицким.

Доридоттир согласно кивнул и повернулся ко мне.

– Твоя девчонка у меня в катере, мы сели в километре от «TR-160». Смотри не заморозь ее. Она у тебя молодец. Ну что ж, я пошел в штурманскую. К бою, джентльмены.

Мы покинули корабль через левый шлюз. Едва я ступил на трап, в лицо ударил ветер пополам со снегом, до того колючий и ледяной, что я едва не ослеп. Я захлопнул забрало и огляделся. До нашего катера было километра два. Что ж, неплохо я сел.

Увязая по колено в снегу, мы пошли (точнее, побрели) вдоль нависающей над нами колоссальной стены корабельного борта. Термосистема моего бронекостюма заработала на полную мощность. Снежные заряды лупили прямо в лицо, но благодаря сублазерной технике я отчетливо разглядел силуэт русской машины в стороне от «Тандерберда».

Мы плелись ужасающе долго. Или, по крайней мере, мне так показалось. Когда наконец я очутился в уютном нутре катера, ноги мои уже почти подгибались. Полтора часовой подъем на скальную гряду, эти полные адского напряжения минуты пилотирования гигантского корабля да плюс прочие кошмары последних двадцати четырех часов разом навалились на меня, и я, едва оказавшись в просторной, отделанной коврами рубке, почти без сил рухнул в кресло.

Детеринг, однако, спешил. По-моему, он вообще не знал, что такое усталость. Несколькими снайперски точными рывками штурвала он перебросил «Тандерберд» вплотную к русскому катеру и буркнул, полуобернувшись ко мне:

– Живее, капитан.

Надо сказать, в ту минуту мне было глубоко плевать на то, что я (не прошло и семи лет!) произведен в очередной офицерский чин. Мысль была одна: «Там Тин». И все. Больше я ни о чем не думал.

Я распахнул створ атмосферного люка, и в уши мне ударил гулкий рев – то стонали на предстартовой нагнетатели планетарных моторов линкора. Титанический бронированный дракон представлял собой величественное зрелище. Небольшое расстояние от левого борта не

позволяло, конечно, видеть его целиком – лишь спирально змеящиеся потоки пока еще сонного зеленого пламени, изрыгаемые огромными дюзами на брюхе «Индепендента», призрачной рекой уходили вдаль, обозначая его горизонтальный габарит. Готовый к прыжку гигант стоял без единого огня, словно втягиваясь в темное небо, – там, за низкой пеленой облаков, за белесой дымкой атмосферы, раскинулась необъятными звездными узорами его родная стихия.

Снег был наполовину растаявшим – в радиусе нескольких километров от линкора температура была явно плюсовая, – и, шлепая ботфортами по лужам, я бросился к остроносой русской машине.

Тин сама открыла люк и бросилась мне навстречу. Обхватила меня руками, прижалась щекой к окровавленному наплечнику.

– Боги, ты весь в крови... ты цел?

– Все в порядке, – прохрипел я. – Идем скорее, у нас нет времени.

Крови на мне действительно было в избытке. Это я понял, внимательно осмотрев себя в рубке катера. Ничего страшного. У меня есть запасная мимикрирующая куртка и штаны, а наплечник, шлем и перчатки легко отмоются...

Детеринг гнал катер вверх на приличной скорости. Гравикомпенсаторы работали в амортизационном режиме, гася перегрузку, – иначе не очень-то бы мы пошевелились. Миновав пределы атмосферы, Танк положил катер на курс к серо-голубому диску Лассига и пришпорил двигатели. Я понял его замысел: зависнуть на геоцентрической орбите дальнего спутника, на самой границе видимости с планеты – Лассиг всегда обращен к Рогнару одной стороной. Засечь нас в подобной позиции будет дьявольски сложно.

Я сидел в кресле инженера, всматриваясь в экраны бортовых средств ближнего обнаружения. Пока что они были пусты. «Индепендент» ушел, и никто его не преследовал. По всей вероятности, такой ас, как Детлеф Рокар, способен на многое – и я был уверен, что линкор уходит за пределы системы практически на субсветовой скорости. Через несколько часов, выбравшись за пределы сильных гравитационных полей, он ляжет в гиперсветовой разгон курсом на точку randevу патрулей и будет уже недостижим для противника. Его можно еще достать сейчас, в пределах пары-тройки часов, если кто-то решится на шизофренический разгон в пределах системы. Легкий корабль типа рейдера на это способен. Правда, в восьмидесяти процентах случаев такие вещи заканчиваются быстрой и, наверное, безболезненной смертью – но мало ли идиотов?

«Пока все идет весьма гладко, – подумал я, – «Кэмел» уже где-то поджидает на параллельном курсе, они на ходу перебросят людей и рванут...»

Детеринг исторг фонтан ругательств, и рубку наполнил хриплый голос Доридоттира:

– Дет, повторяю: к вам идет корварский легкий крейсер. «Кэмел» уничтожен. ЛК¹ горит, но еще способен стрелять и маневрировать. У нас повреждена линейная башня дальней связи. Настроить аварийные каналы не можем, сам понимаешь. Уходим самостоятельно. Повреждений нет, только ДС².

– Я слышу, – прорычал Детеринг. – Откуда он взялся?

– Видимо, шел к Рогнару. Танк, уходи. Через пять-десять минут он тебя увидит.

– Черта с два, – вкрадчиво проронил Детеринг. – Сколько времени ты еще будешь на связи?

– Меньше двух часов, дальше я без ДС тебя не достану. Я работаю через релейную систему ближнего боя, другой связи под рукой нет.

– Все, – шеф хрипло хохотнул, – я вкочую его в Рогнар, не волнуйся. По самые яйца вкочую. Хо-хо! К бою! Королев, ко мне!

¹ ЛК – легкий крейсер.

² ДС – дальняя связь.

Я поспешно занял место второго пилота.

– Что случилось, Саша? – встревоженно спросила Тин, сидевшая в кресле борт-штурмана.

– Пристегни ремень, – вздохнул я.

Катер свалился с курса, в головокружительном кульбите совершил боевой разворот и вылетел из-за Лассига, как черт из табакерки.

Легкий крейсер корварского производства был уже виден и без радара. Он действительно горел: из кормовых отсеков веретенообразного корабля тянулся тонкий серебристый шлейф. Видимо, Рокар на ходу слегка достал его ракетой. Если бы он мог ударить бортовыми или, еще лучше, главным калибром, мы бы уже не встретились.

– Главный к бою! – сухо приказал Детеринг.

– Есть главный.

– Ракетные батареи к бою!

– Есть батареи.

Крейсер спешил изо всех сил и явно не желал с нами связываться – экипажу наверняка было не до того. Правда, огромные крылатые черепа на атмосферных киях не оставляли сомнений в нашей служебной принадлежности.

Детеринг хищно прищурился и положил «TR-160» в крутой вираж, одновременно выжав из двигателей все, на что они были способны. Крейсер как-то лениво выплюнул жидкую серию ракет, но Танк был к этому готов. Звезды на экранах завертелись в неистовой сарабанде, ракеты прошли мимо и утонули в пламени наших дюз.

Двигатели продолжали реветь. ЛК остался у нас за кормой, «Тандерберд», повинувшись твердой руке Детеринга, развернулся на 180° и понесся на крейсер, который уже начал готовиться к сходу в атмосферу. Еще пара минут – и он лег на пологую траекторию, нырнул вниз...

На экранах полыхала величественная картина дневной стороны огромной планеты. Мы приближались.

Катер нырнул в верхние слои атмосферы на весьма рискованной траектории, но я уже был уверен, что машина выдержит такую трепку... Через минуту мы вышли на дистанцию поражения.

– Все – огонь! – рявкнул Детеринг.

Я выполнил его команду... Крейсер не имел возможности ни ответить, ни предупредить удар: маневрировать в верхних слоях атмосферы ему было не под силу. Все двенадцать ракет легли точно в пробитую корму, туда же ударила и бортовая пушка с фрегата типа «норд», стоявшая на «TR-160» в качестве главного калибра. Расстояние позволяло, и я вlepил пушкой еще раз, напоследок.

Мы промчались мимо бурого шара обломков и пламени, взвыли в развороте тормозные двигатели, и я узрел плоды трудов наших скорбных: то, что осталось от крейсера, полыхающими лохмотьями кувыркалось вниз. А осталось немного: мотоотсеки были снесены начисто, в средней части обшивка была разодрана практически до носа. Видимо, это были последствия второго выстрела – я думаю, с пятисот-то метров, а?

– Рокар, Доридоттир, – позвал шеф, – вы меня слышите?

– Да, – донесся встревоженный голос Рокара, – как ты?

– Я отправил их в океан. На корм рыбам.

Рокар хохотнул в ответ.

– Танк, мне придется идти на Килбор, – вмешался Доридоттир.

– Нет, – быстро ответил Детеринг. – Через патруль свяжись с генералом Фаржем. Ярг все знает. Он все сделает. Я буду ждать.

– А ты?

– Со мной все будет в порядке. Я прикрыт Нетвицким, он куратор шоу, а Фарж идет по резерву. Он все поймет.

– Хорошо. Через 50 минут я выхожу из радиуса связи. Больше ты ничего не хочешь передать?

– Две вещи, – весело ответил Детеринг, – передай Фаржу, чтобы он оформил Алекса Королева капитаном, и второе: верных клинков!

– И твердой руки!

* * *

Шеф отправил нас с Тин спать в пассажирский салон, а сам расположился в рубке – и я был очень благодарен ему за это. Потому что Тин не выдержала обилия впечатлений и тихо расплакалась у меня в руках, едва я закрыл дверь и свалился рядом с ней. У меня, впрочем, ни на что уже не было сил. Я кое-как содрал с себя окровавленное снаряжение, оставшись в плотно облегавшем тело бронекombineзоне, лег на широкий ворсистый диван, прижал к себе всхлипывающую девушку и отключился.

Спал я четырнадцать часов – а мог бы, несомненно, и больше. Меня разбудила заворочавшаяся под боком Тин. Я глянул на часы, недоуменно чертыхнулся, слез на пол, сунул ноги в ботфорты и вышел в рубку.

Рубка была пуста, атмосферный створ – нараспашку. Все еще недоумеваю, я взял в руки излучатель шефа, висевший на спинке одного из кресел, и осторожно выглянул на улицу.

И обалдел. «Тандерберд» торчал на берегу тихого лесного ручья – для того, чтобы вот так, «впритык», посадить его на лесной поляне, требовалось колоссальное искусство. А рядом с правым крылом на бережку речки сидел полуголый Детеринг... с удочкой в руках. Подле него на траве валялись несколько здоровенных рыбин. Неожиданно он по-кошачьи мягко при-встал... рванул рукой... трепещущее серебристое тело шлепнулось на траву.

– Ну чего ты вылутился? – не оборачиваясь, поинтересовался Танк. – Не стой как статуя. Разведи лучше костерок. Сто лет свежей рыбки не едал.

Я пожал плечами: гм... а что делать? – и принялся собирать вокруг сухие ветки и сучья. Детеринг тем временем аккуратно сложил удочку (из аварийного комплекта, как я понял) и, посвистывая, исчез в рубке. К тому моменту, как я разжег небольшой костер, он спрыгнул из люка на землю, держа в руках какие-то непонятные баночки, пакет с саморазогревающимся хлебом и длинный узкий кинжал старинной русской работы с витиевато исполненной рукоятью.

– Да, – ни к кому не обращаясь, произнес он, – рыбка, да... Гм...

– А вы проверили, ее есть-то можно? – поинтересовался я.

Полковник задумчиво почесался и глянул на меня как на сумасшедшего.

Пока он жарил рыбу, я умылся в речке и смотался в рубку за своим завтраком. Есть полусырую закопченную рыбу мне чего-то не хотелось.

– Что мы будем делать, полковник? – поинтересовался я, глядя, как любезный шеф с видимым аппетитом уплетает свою добычу.

Он облизнулся и задумчиво оглядел меня с головы до ног.

– Ждать, Саша. Мы ведь немножко наступили им на хвост, не так ли? Теперь будем ждать. Только мы теперь поменяемся ролями – доселе наступали мы, а теперь в атаку пойдут они. Они ведь не знают, что в скором времени здесь высадится целая орава разъяренных дракончиков во главе с Фаржем. А Фарж – это амбиции, Саша. Это я уже порядком устал от всей этой кутерьмы, а Фарж рвется в бой. Мне-то, по большому счету, ничего не нужно – ни генеральских погон, ни власти... а Нетвицкий, Фарж и еще кое-какие большие начальники мечтают вернуть старые времена, когда Империя сражалась со всем миром...

– Но... простите, полковник... сейчас, кажется, сражаться не с кем.

– Увы, мой друг, ты слабо осведомлен, да... В ближайшие десять лет возникнут новые силы, абсолютно враждебные нам.

– Я слышал об этом.

– Краем уха, разумеется. Это не твой уровень доступа. Хотя какое это имеет значение... Суперкрейсер «Алькар» вернулся оттуда в таком виде, что отремонтировать его просто не стоило.

Он умолк, достал сигарету. Во взгляде его не было ничего, кроме усталости.

– Двадцать лет назад, Саша, – глуховато проговорил он, – двадцать лет назад все это уже было ясно. Правда, покойник Зеггерс и его команда... они готовились к бою с другим противником... неважно, с каким, да... Но уже тогда, когда начались сокращения флота, когда военную промышленность практически разрушили... они начали готовиться. Сегодня СБ – это империя в Империи, и настало время вкатить пробный шар. Я... я должен раскрыть перед тобой кое-какие карты, Саша. Ты поймешь меня...

– Кое-что я уже и так понял, – ответил я. – Это несанкционированная акция.

Детеринг покачал головой.

– Все только начинается, Саша. Ты узнаешь удивительные вещи, тебе придется работать с разными, зачастую странными, личностями. С представителями колониальной мафии, например. Они крайне недовольны наличием пиратов в этом секторе и готовы заплатить любые деньги за то, чтобы от них избавиться. Ты увидишь, кто возглавляет самые могущественные колониальные кланы. Ты узнаешь изнанку Империи, поймешь причину колониального бума, откроешь для себя другую сторону жизни. Сегодня мы должны очистить от дерьма эту планету. Ты этого не знаешь, но на некоторых маршрутах приходится применять такие громоздкие конвои, что кое-кто ставит вопрос о рентабельности нашей с тобой деятельности.

– Рентабельности?! – буквально подпрыгнул я. – Мне почему-то казалось, что мы не коммерческая организация.

– Ну-ну... – Танк загадочно ухмыльнулся. – Саша, сегодня Империя – это не те гомики, что воняют в парламенте, и не те подонки, что проводят жизнь на пляжах метрополии. Они не стоят того здоровья, что мы с тобой тут теряем. Почему Экарт выгнал тебя с этой планеты, поломал твою карьеру? Потому что ты поступал согласно понятиям о чести имперского воина, ты сражался за жизнь любимой женщины, как подобает мужчине. Подумай, возможно ли было такое раньше?

Он задумчиво поворошил веткой угасающий костер. Вытащил из левого наплечного кармана новую сигарету. Неторопливо прикурил.

– В течение ближайших суток они должны появиться. Они высунутся наружу, голубчики, и тут мы их прихлопнем. А там и Фарж со товарищи пожалует. Если, конечно, не будет осложнений... На Ахероне все давно готово...

Он встал.

– Отдыхай, кэп... пока.

Я не понял, о каком Ахероне шла речь, но не стал задавать лишних вопросов. Детеринг и так сказал мне слишком много. Мне и в голову не могло прийти, что Служба безопасности в лице ряда своих высших офицеров давно и прочно связана с колониальной мафией. Я, правда, слышал краем уха, что Третье управление проводит какие-то загадочные исследовательские рейды, и тогда еще не мог понять – кто финансирует эти скромные забавы? Теперь мне стало ясно, откуда берутся астрономические суммы на сверхсекретные программы. Но чего ради?

Я поднялся в приятно пахнущее, роскошное нутро «Тандерберда» и прошел в салон, где спала Тин.

Стоя под мягкими ароматными струями душа, я с некоторым удивлением подумал, что несколько суток на этой планете изменили меня. Во-первых, мне еще не приходилось участ-

воват в столь интенсивной мясорубке. Во-вторых, Детеринг, без сомнения, великий воин. В атмосфере излучаемой им ауры человек становится другим – столько в нем какой-то древней мудрости и огромной, всепокрушающей мощи. Он наверняка обладал огромными пси-возможностями – сказывалась давняя дружба с такими людьми, как Доридоттир, а я не сомневался, что тот способен убить взглядом, как это делали его легендарные предки. Интересно, сколько тысячелетий венчают скалы узорчатые башни его клана?

Я переключил кабину на сушку, с наслаждением покрутился под потоками горячего воздуха, коснулся сенсора отключения и вышел в салон. Распахнув свой кофр, извлек легкий черный комбез, натянул его на себя и уселся по-турецки напротив спящей Тин.

Она открыла глаза, сладко потянулась, словно большая изнеженная кошка, и одним неуправляемым движением очутилась возле меня, обхватила руками мою шею, потерлась носом о щеку...

– Как спала?

– Мм-м... хорошо. А ты?

– Вполне. Завтракать будешь?

– Угу...

Она лизнула языком мои губы и исчезла в душевой. Пока она мылась, я достал нехитрый пайковый завтрак и задумался о том, во что ее переодеть. У меня было пять комплектов обмундирования, но она-то на пару размеров меньше. Ну что ж, придется подворачивать рукава – а что делать? С оружием для нее тоже надо хорошенько поразмыслить – мясорубка только начинается...

Пока Тин завтракала, я извлек из бездонного кофра штаны, куртку, плоскую 300-километровую радиостанцию, кибердоктора и кое-какие мелочи: кинжал, пояс с гнездами под магазины и спецснаряжение и короткий тупорылый стозарядный «Тайлер». Это, конечно, не «Эйхлер» и не высокочастотный «Нокк-400» Детеринга с двумя стволами и восьмизарядным ракетометом снизу, но тоже не рогатка. В незащищенном человеке делает дыру размером с тарелку.

– Это что – мне? – поразилась Тин.

– Тебе... шлема у меня нет, да и в любом случае им очень сложно пользоваться. А с этим ты легко справишься. Давай надевай все эти штуки и пойдем на воздух, поучу тебя стрелять.

Вкратце объяснив ей, как что надевать, я вышел в рубку. Детеринг сидел у выдвинутой панели бортового «мозга», его пальцы порхали над цветной мозаикой сенсоров.

– Командир, – обратился я к нему. – Я выберусь наружу, потренирую девчонку в стрельбе.

– Давай, – не оборачиваясь, ответил шеф, – только рядом. Я вижу какие-то шевеления, да...

В этот момент над моей головой забулькало, пол мягко качнулся. Катер выпустил атмосферный зонд.

Глава 10. Без союзников не обойтись

– Да прекрати ты чавкать, Королев.

Я запихнул в себя остатки обеда и внимательно всмотрелся в экран. По нему прыгали какие-то кружочки всех цветов радуги и суетливо корчились колонки непонятных цифр. Меня не учили работе с такой аппаратурой, тем более, что цифры и символы были вообще лидданские.

– Ах, красавцы, как нервничают! Как им хочется посмотреть, куда зонд будет возвращаться! Но мы, – Детеринг прищурился, – им такого удовольствия доставить не можем. Пускай он себе болтается, пока у него энергии хватит. А может, они его собьют раньше. Но как они задергались, красавчики! Видно, натянули мы им задницу на уши!

– О чем вы, командир? – поинтересовался я.

– А... Эта штукавина видит «призраков». У них тут, оказывается, целая противодесантная батарея южнее экватора. Даже не батарея, а полный компактно стоящий комплекс имперского производства. Судя по частотам «призраков» – «Эра-10», и замаскирован грамотно, визуально его не обнаружишь, на альфа-детекторе – тоже.

– Хм... я думал, что обнаружить низкочастотный планетарный сонар вообще невозможно.

– Было невозможно. Лидданы нас в этом вопросе обскакали. Они склеили компактный детектор-излучатель, который дает противофазу в широком диапазоне. Правда, пока это все в стадии экспериментов, но я себе такую штуку добыл. Вообще это для меня неприятный сюрприз. Будь я проклят, теперь я понимаю, кто купил на Корэле крупную партию десантной инженерной техники. Когда мои друзья узнают, кому они сплавляли это фуфло, они будут искренне рады, да... Ха, я объясню им, что целый ПДК – планетно-десантный комплекс – они врыли в скалы своими руками.

– Но, командир, подобная сделка... партия военной техники... она должна регистрироваться через торговую палату Комитета конверсии и утилизации... – удивился я.

– Саша, не смей меня. Ты торчишь в метрополии и думаешь, что все вокруг только и думают о соблюдении законов, издаваемых нашим любимым парламентом. Не плети веревочек, Саша. Ты же прекрасно понимаешь, что стащить где-то целую «Эру» невозможно. Не родился еще такой вор. Следовательно, ее где-то купили. Вот это удивляет даже меня. Ну, инженерные работы – это ерунда, а вот целый комплекс... Чудны дела твои, Господи! Ведь ясно же, что если человек хочет купить планетарно-десантный комплекс, то не для того, чтобы в имении по кроликам лупить. Но не глюки же у меня – вот она, эта «Эра», как чирей на заднице, честное слово. Воистину у нас все есть – даже ПДК в свободной продаже по сходной цене. А ты про какие-то торговые палаты толкуешь. Н-да, эта штука сильно усложняет нам жизнь. И чем вы там, в разведке, занимаетесь? Подвесить бы твою Аверину за одно место... Начальник Департамента внешней разведки, да... со своими, прости Господи, любовницами...

Детеринг достал сигарету. Вид его был мрачен.

– Был у меня один приятель, – ковыряясь в ухе, произнес он, – видный теоретик катерной атаки. Так вот он клялся, что может загнать звено «TR-75» на любой комплекс так, что ни одна собака его не увидит. Жаль, жаль... жалко, что его с нами нет.

– А где он сейчас?

– Сейчас? Кормит червей, надо понимать.

– Он погиб?

– А? Он-то? Да, утонул в бассейне собственного дома после обмывания полковничьих погон. Ч-черт, а... Ты знаешь, почему «десятку» перестали строить?

– Н-нет, не доводилось с ней сталкиваться.

– У «Эры-10» было одно слабое место – несущий контур генераторов получился слегка перегруженным. При пиковых температурах система управления начинала вписывать ошибки в «мозг», а тот – сбоить и, соответственно, блокировать цепи. Тогда умники-конструкторы придумали выход: вывести весь несущий контур подальше и устроить ему принудительное охлаждение. Сперва все шло нормально, «десятку» приняли на вооружение, она вполне прилично стреляла, но в один прекрасный день кто-то где-то случайно засадил ракету в несущий контур. И началось. На Сторти-4 десант фаргов нашел генераторную секцию и тупо выключил исправно стрелявший комплекс. После пары случаев прямых попаданий «Эру-10» сняли с производства, хотя она и по сей день кое-где стоит.

– Вы предполагаете уничтожить генераторную секцию?

Он откинулся на спинку кресла и задумчиво поглядел на мирно спящий пульт управления катера.

– Понимаешь, Саша, было бы время... но у нас всего около пяти суток. Ну, двое-трое суток на вытирание задницы, прощальные поцелуи и дорогу до Ахерона. На личном субрейдере Фарж с друзьями, подругами и походно-полевыми клистирами долетит часов за пятьдесят, это не торопясь. А от Ахерона сюда шестьдесят часов хорошего хода. Вот и считай. «Кэмела» у нас больше нет. Следовательно, нет и дальней связи. Значит, они войдут в нашу зону связи, уже находясь на прицеле ПДК. У нас – слабенький передатчик, а у «Эры» башня – ого-го!

– Но, в конце концов, одиночный комплекс можно подавить, – возразил я в некотором удивлении. – Любой десантный линкор... или тем паче суперкрейсер...

– Саша, – оборвал меня Танк, и взгляд его бесцветно-серых глаз стал подобен острию стрелы, – в Галактике нет частных линкоров и, тем паче, как ты выражаешься, суперкрейсеров. Ни имперского производства, ни чьего другого. Нет вообще кораблей такого класса в частном владении. А фрегат – это мощный, быстроходный, большой и крепкий корабль, но он создан для стремительного эскадренного боя или для одиночных дуэлей, и он умеет стрелять только прямой наводкой. А противодесантная батарея может стрелять с обратной стороны планеты.

– Н-да-а, – промямлил я, – значит, мы должны расчистить им посадочный плацдарм. Кстати, а на чьей территории пристроилась эта гадость?

– Я смотрел по карте – государство Аххид Малайяк.

– Гм-м... С трех сторон – непроходимые горы, причем абсолютно непроходимые, а с юга – пустыня. Единственное, что мы о них знаем, это то, что там у власти какие-то религиозные фанатики, и чужих они к себе не пускают. А за горами – Солфер... южане. Что ж, придется лететь в Солфер, шеф, а там что-нибудь придумаем; они, похоже, неглупые парни.

– Ты говорил, что командир той подлодки – известный человек в их разведке?

– Я так понял, что да. Они догадываются, что на планете творится что-то не то. Это их нервирует. Имеют они разведанные и из Либена, поэтому в контакт с миссией не входят.

– Я бы эту всю миссию, – поморщился Детеринг, – утопил в сортире, да... Ничего, дойдут руки и до них. Так ты думаешь, что эти твои жуки нам помогут?

– По крайней мере, проконсультируют. Как я понимаю, Аххид Малайяк – страна непуганых идиотов, там можно черта с рогами построить – никто и не почешется, только усерднее молиться будут. Тем паче пустыня.

– Скорее плоскогорье, – поправил Детеринг. – Там этакая... скалистая местность. И вот там-то, в скалах, они и зарылись. Возможности у них были. Но все-таки, черт возьми...

Он выбрался из кресла и зашагал взад-вперед по ходовой рубке, нервно стряхивая пепел сигареты на темный ворс пола.

– Сама эта мысль не дает покоя! Я просто ну никак не ожидал таких событий, будь я проклят! Твою мать, да что это, заговор, что ли? Черт знает сколько времени в атмосферу входят тяжело груженные транспортники, целая орава сложной высокопроизводительной робототехники грызет гранит, пыль столбом, целый линкор, наконец, садится – а ни в миссии, ни в

разведслужбе ну ни одна собака не почешется! Ладно, хорошо, я догадываюсь, чем там они у Экарта занимаются. Все, поди, педики. Черт с ними. Но покупалось-то все это кино не в Метрополии, наверное! А у колониальных кланов целые дивизии аналитиков сидят и считают, кто где что купил, кто где что продал, кто что заработал, кто что украл. Но никто ни ч-черта не знал!

Одни только Россы краем уха что-то услышали. Прилетел дядька Доридоттир... да возьми и умолкни. Затаился он, понимаешь, потому как почуял, чем все это пахнет. А потом мы с тобой, два стойких поносных солдатика – наше вам почтеньице! О времена, о нравы! Всемогущая имперская Служба безопасности – это, выходит, попросту свободный духовой оркестр идиотов в черных мундирах, ибо все, что мы можем, – это пердеть в тиши своих кабинетов. А всевластная колониальная мафия, получается, дурики в спадающих штанишках. А всемогущий – это орел наш, господин Крокер, ядрена мать, потому как пока мы все умничаем, он себе потихоньку целый сеньорат устроил и, знай себе, парит шишку с местными красотками.

Полковник Детеринг остановился посреди рубки и четко произнес:

– Я его съем.

* * *

Загнав тлеющую сигару в угол рта, Детеринг загибал свои изящные, я бы даже сказал, женственные пальцы:

– Нам ничего неизвестно о возможных контактах людей Крокера с властителями Аххид Малайяк, как тайных, так и явных – что, впрочем, маловероятно, – раз. Если южная разведка обладает каким-либо информационным пакетом о действиях наших клиентов, то она могла бы дать нам определенное оперативное поле – два, но три: мы фактически ни хрена не знаем о взаимоотношениях Конфедерации Солфер с этим Малайяком. И это только одна сторона пассива. А вторая – пожалуйста: нам вообще ничего неизвестно ни об общественно-политическом устройстве Конфедерации, ни об их технологическом потенциале, ни о структурном строении вооруженных сил, ни – что главное – о социальном менталитете и, соответственно, об отношении к нашей проблеме в целом. Молчи, не перебивай меня. Это ты мне должен излагать, а не я тебе. А единственный наш актив – это твоя беседа с командиром подлодки. Комментарии?

– Шеф, командир Дреккен показался мне самым нормальным человеком на этой планете. На уровне быстрого опроса он абсолютно адекватен, из чего я делаю предварительный вывод об общей адекватности видового менталитета.

– Чего-чего? – хохотнул Детеринг. – Какого менталитета? Видового? Ты прям как на экзамене шпаришь.

– Простите, – смутился я, – я оговорился.

– Я понял, можешь не продолжать. Вообще-то говоря, у тебя чувствуется хор-роший провал по узкотактической стороне ведения опроса. Это, конечно, узкое место в оперативной подготовке. Теоретиков из вас готовят, да... Ты совершенно грамотно вышел на ментальный уровень собеседника, но и не подумал выудить из него максимум информации по нашей теме. Я понимаю, времени не было, но, тем не менее, помимо общих вопросов нужно было задолбать его по теме: когда, как, откуда, на каком вообще уровне?.. То есть что именно они знают о происходящем, ч-черт... С его слов ясно, что они вступали с пиратами в открытый контакт, когда те пытались их убедить в невинности своих намерений. А вследствие чего возникла настороженность? Каково, в конце концов, оперативное поле разведки?

Он умолк, пыхнул дымом и задумчиво почесался:

– Ты даже не знаешь языка – а тебе известно, каковы шоковые стороны воздействия транслинга на людей, незнакомых с его работой?

– Я не думаю, что транслинг будет сильной помехой. В любом случае иного выхода нет – вряд ли там все знают либенский.

– Ладно, – Детеринг махнул рукой, – там видно будет. Постараемся найти военно-морскую базу – столица, кажется, еще и крупный порт? – зайдем ночью над морем, войдем в базу... а там, если они, как ты говоришь, адекватны, нас должны встретить именно представители разведки хотя бы на уровне оперативного дежурного.

– А если опять заработают «призраки»?

– Сомневаюсь. Это дорогое удовольствие. Минута работы сжирает столько энергии, что вряд ли они позволят себе такую роскошь. Да и к тому же у нас есть кое-какие сюрпризы на этот счет. Я полагаю, их системы целеуказания наших шуток не выдержат. Сгорят. «Десятка» – штука довольно примитивная, а последние достижения нашей техники позволяют ее поводить за нос. Ладно, зови девчонку, надо пожрать.

Я оставил его в рубке и двинулся к салону.

– Остроносая моя, – позвал я, задвигая дверь (в оригинале это прозвучало «девушка, имеющая острый нос и принадлежащая моему телу» – о!), – ты не хочешь подкрепиться?

– Нет... – Она встала с подушек и подошла ко мне, обхватила руками, вызывающе глянула сверху вниз. – Ты знаешь, чего я хочу.

– Что – опять?! Но... милая моя, поверь, сейчас просто некогда... ч-черт... у нас будет время... Тин, ну прекрати же... нам нужно лететь на юг. Идем.

Ели мы, как всегда, в рубке. Тин, не имеющая привычки к нашим пряным и острым мясным и овощным консервам, до сих пор недоверчиво принохивалась к каждому порционному пакету.

– Что вы там нюхаете, прелестная мадемуазель? – засмеялся Детеринг и дотянулся до сенсора стационарного транслинга. – Там нечего нюхать... жратва дерьмовая, не спорю, но шницель по-олеарски мне приготовить не из чего: клянусь своими сапогами, на всей планете нет ни одной свиньи!

– Я никак не пойму, – завертела головой Тин, – почему господин Детеринг молчит, а я слышу его голос на моем языке?

– Эта штука читает его четко сформулированную мысль, как бы громко произнесенную в голове, – пояснил я, – и ты слышишь перевод.

– Ваши машины могут читать мысли? – вытаращила глаза Тин. – О боги...

– Не все и не у всех, – успокоил ее Детеринг, – для этого ее нужно настраивать на каждого конкретного пользователя.

– Вы, я вижу, вообще основательно подготовили катер к этому вылету, – заметил я. – Или вы им уже пользовались?

– Он частный, – спокойно ответил Детеринг, – то бишь мой.

Настала моя очередь вытаращить глаза. Во-первых, в Империи военная техника продается только по выработке первого ремонтного ресурса, а «TR-160» выпустили год назад, а во-вторых, подобная эксклюзивная машина – сгусток передовой технической мысли – должна стоить дороже обычного серийного фрегата, не говоря уже о какой-нибудь транспортной лоханке, что бороздит Галактику под частным флагом. Каковы же финансовые ресурсы полковника Йорга Детеринга?

– Впрочем, – хмыкнул он, – налоговое управление этот вопрос не особенно чешет, да...

Я поперхнулся. Так. Значит, это не сказки. Что, взглядом он тоже убивает?

– Все гораздо сложнее, – спокойно произнес Детеринг, положив палец на сенсор транслинга, – и проще одновременно. Но ни один хомо неспособен на ментальный удар достаточной мощности. Может быть, крысу. Искусство вообще заключается не в ударе. Преодоление пропасти между гаданием и функциональным уравнением. Трехкоординатное оперативное

поле. Траектория кончика клинка. Подавление неэффективно в стратегическом плане. Решение уравнения траектории – упрощение экстраполяции – тактический контроль.

Я понял. Детеринг мягко улыбнулся, снова включил транслинг и спросил:

– Как представим девчонку?

– Да как есть, – пожал я плечами.

– Как есть? Ну-ну... Тогда уж лучше вообще не поднимать этот вопрос. Ты ей вкратце объясни... Ну ладно. – Он встал и бросил на столик смятую салфетку. – Женщина, выбрось помой за борт... и идите в салон.

«Тандерберд» мягко сел на удобной площадке в самом центре довольно-таки хаотично спланированной территории военно-морской базы. То, что это именно база флота, мы поняли, увидев целую ораву огромных субмарин у пирсов – еще при облете. Черные рыбины замерли у бетонных стен, выставив из воды свои горбатые головы и лоснящиеся гладкие спины – не меньше сотни, пожалуй – разных типов и размеров. Своим кружением мы наделали изрядно шороху. Похоже, гулкий рев моторов разбудил здесь всех. Перед приземлением мы включили весь наружный свет, зависли над выбранной площадкой на некоторое время. Детеринг для остротки включил сирену, которая орала, как трубы Судного дня, и когда последний таракан в паническом ужасе покинул точку финиша, «Тандерберд» мягко сел на опоры шасси.

Я внутренне сжался, готовясь к большому цирку с идиотским взаимным непониманием, недоверием и брезгливым ужасом клиентов.

Однако для начала все было достаточно тихо. Ярко освещенную площадку мгновенно оцепили вооруженные люди. Они спокойно стояли, держа оружие наготове, но не проявляя каких-либо враждебных намерений.

Детеринг спрыгнул вниз. Я помог спуститься Тин и прыгнул сам. Трап мы не спускали. Мы оба стояли в полном боевом снаряжении – по двадцать два кило на нос, со всем личным вооружением и полностью активированной защитой. Тин я задвинул себе за спину – от греха подальше.

Мы молча застыли под распахнутым атмосферным створом в ожидании событий. И события не заставили себя ждать.

Ряд солдат (или, скорее, матросов) в одинаковой серой форме раздвинулся напротив нас, пропустив двух высоких мужчин в голубых плащах, застегнутых под горло. На головах у них красовались золотистые уборы, чем-то напоминающие гусарские кивера из древнеевропейской истории. Оба были бронзовокожи, горбоносы, и у обоих длинные волосы собраны на затылке в «хвост». Выглядели они чужеродно. В отличие от северян человек с такой внешностью мог быть однозначно квалифицирован как уроженец одного из Айоранских Миров.

Они приблизились на пять шагов и остановились, беспомощно шурясь в невыносимом белом сиянии прожекторов. Я выставил перед собой пустые руки, осторожно шагнул вперед и внятно спросил:

– Вы говорите по-либенски?

– Да, – быстро ответил один из них, обладатель костистой физиономии и оттопыренных ушей. – Кто вы и что вам нужно?

– Я должен встретиться с руководством разведслужбы флота, вопрос крайне важный и не терпящий отлагательства.

Мой собеседник недоверчиво нахмурился.

– Мы офицеры этого ведомства.

– Вы знакомы с докладом Ройс Дректена? Он обещал немедленно после моего ухода оповестить руководство.

Они переглянулись.

– Вы хотите сказать, что вы – тот молодой офицер, которого он подобрал из воды вместе с рыжеволосой девушкой?

– Да. И поверьте, я пришел с очень важным делом.

– Хорошо, – ушастый, похоже, решился, – идемте. Но прежде вы и ваш товарищ должны снять шлемы или хотя бы на время откинуть забрало.

«И как это он разглядел забрало на моем гладко-черном шлеме», – удивился я.

– Шеф, – я не оборачивался, – они просят на время снять шлемы.

– Я понял, – ответил он. – Опасности нет.

И первым снял с головы шлем. По наплечнику рассыпались густые темные локоны. Держа в руке шлем, он шагнул к офицерам-конфедератам и мягко улыбнулся. Я тоже сдернул шлем с головы. Они явно успокоились. Ушастый сделал приглашающий жест.

– У нас машина, – он чуть замялся, – если вам не вреден наш воздух, я попросил бы... пока мы едем...

– У нас одна кровь, – ответил я.

Офицер кивнул, и мы двинулись сквозь расступившийся строй. За нашими спинами мягко чавкнул многотонный люк атмосферного створа, и разом погасли прожекторы.

– В вашем самолете кто-то остался? – нервно спросил ушастый.

– Нет, – ответил я. – Он управляется дистанционно.

Тот понимающе кивнул.

Мы подошли к тяжеловесному, хотя и не лишенному изящества ящику на четырех колесах, напарник ушастого поднял вверх огромную дверь из поляроидного стекла и нырнул внутрь. Мы последовали за ним.

Внутри было высокое кресло водителя – спереди, у покатога лобового стекла – и большой, чуть скругленный диван сзади. Второй офицер сел к пульту управления, а мы вчетвером расположились на диване. Едва слышно фыркнул под полом тепловой мотор, где-то скрежетнули шестерни трансмиссии, и автомобиль плавно нырнул во тьму, не зажигая почему-то огней.

Через пару минут мы подъехали к высокому, слабо освещенному зданию из стекла и бетона. Следуя за ушастым, мы миновали небольшой аккуратный холл без единого охранника, поднялись в лифте, прошли по такому же аккуратному светлому коридору и вошли в темно-серую дверь.

Нас ждали. В просторной, со вкусом отделанной светлым камнем зале стояли двое немолодых бронзовокожих мужчин в бледно-голубой форме, без головных уборов, и красивая светловолосая женщина лет сорока, в такой же точно форме – длинный кафтан, узкие брюки, низкие сапожки на каблуках. Никто не потребовал сдать оружие, и это меня обнадежило – значит, они хорошо понимают, что мы легко можем оставить у себя нечто абсолютно непохожее на оружие в их понимании.

– Я свободно говорю по-либенски, – произнес я вместо «здрасьте», – а мой напарник будет говорить с вами при помощи телепатического аппарата, который управляется непосредственно его мозгом.

Шлем Детеринга исторг длинную, рубленную топором фразу.

– Видимо, мне тоже придется прибегнуть к помощи аппарата-переводчика, – оценив идиотизм положения, объявил я.

– Да, – услышал я в голове бестелесный голос женщины. – Но нам хотелось бы, чтобы это сделали вы.

Я понял, что ей больше понравился мой шеф.

– Хорошо, – ответил шлем Детеринга. – Я – полковник имперской Службы безопасности Йорг Детеринг. Мой помощник – капитан Королев.

– Девушка?

– Не имеет значения. Мы случайно выбрали ее на севере.

Конфедераты недоуменно переводили глаза с молчащего Детеринга на его внятно вещающий шлем.

– Нам непонятен принцип работы вашего переводящего аппарата, – нервно сказала женщина.

– Вам понятен принцип работы сверхсветового ускорителя? – в ответ поинтересовался Детеринг.

– Что? Конечно, нет.

– Мне тоже. Однако это не мешает нам пользоваться этим изобретением. Я не думаю, что технические подробности могут стать препятствием в нашей беседе. Итак, с кем имею честь?

– Я первый помощник наблюдателя по разведслужбе флота, мое имя Оррис Оу Комптен, – представился дородный темноволосый конфедерат лет пятидесяти. – Это мой советник по разработке и планированию Янникт Комс Гест, – он указал на своего более шуплого коллегу, который приветственно двинул головой. – А это, – светловолосая дама церемонно присела, – Ильмен Эрц, она специалист по внешним операциям. Прошу вас сесть.

Мы уселись в мягкие, обитые натуральной кожей кресла вокруг белого круглого стола. Тин с каменным лицом села рядом со мной. Она нервничала, и я ее хорошо понимал, но что делать? То ли еще будет. Я, напротив, чувствовал определенное облегчение – у наших собеседников были умные, спокойные глаза. К тому же я изрядно посиховал во время полета – уж очень я боялся шальной ракетной атаки.

Детеринг вынул из кармана сигарету, на которую с любопытством уставились конфедераты, и с задумчивым видом повертел ее в пальцах.

– Буду откровенен, – сказал он, – мы оказались в сложном положении и рассчитываем на вашу поддержку, тем более что наша проблема важна и для вас. Задача нашей экспедиции – тактическая разведка, но... некий фактор поставил перед нами новую и неожиданную цель. Банда галактических преступников, осевшая на вашей планете, оказалась гораздо сильнее, чем мы предполагали. Скажите, когда вам стало о них известно?

– Полтора года назад, – пожевал губами Комптен, – до нас дошли вести о появлении неких свободных торговцев. В Фарriere они предложили легкое оружие, но в обмен на... некоторые услуги. Абель должен был начать захват соседних территорий. Алчные жрецы с радостью согласились. Потом эти торговцы пытались навязать сделку и нам, но мы ответили отказом. Не так давно мы отследили посадку поистине титанического космического корабля... сейчас он покинул планету.

– Этот корабль был угнан с базы имперских ВКС, – объяснил Детеринг, – сейчас он на пути в Имперскую Метрополию. Скажите, господа, каким образом вы ведете наблюдение за передвижениями их кораблей?

– Наши подводные лодки бороздят воды всего мира, – осторожно ответил Комптен.

– Как я понял, вы располагаете флотом мощных подводных судов, использующих энергию расщепленного атома?

– Вы не имеете такой техники? – вопросом на вопрос ответила Ильмен Эрц.

– Уже давно, так как сам принцип подобного преобразования энергии малопроизводителен и опасен. Мы используем в такого рода машинах гравитационную энергию, а в двигателях космических кораблей – рассеянную энергию системных полей. Оружие наше, в свою очередь, работает по иным законам. Скажите... вам известно, где совершают посадку их корабли?

Я чуть было не позволил удивлению отразиться на своей физиономии. Вполне профессионально замаскированный космодром мы уже нашли – посреди ледяных полей огромного континента в зоне Южного полюса.

Конфедераты напряглись. Ильмен Эрц вперила в безмятежную физиономию шефа изучающий взгляд удивительно красивых, этаких томных зеленых глаз, опущенных длинными роскошными ресницами.

Комптен решился:

– Известно. Это один из районов Южного полюса. Там колоссальный подземный комплекс.

– Не такой уж он и колоссальный, – вяло пошевелился в кресле Детеринг, – так, две взлетные линии, ерунда.

Над столом снова повисла тишина.

– Если вам это известно, зачем вы спрашиваете? – резко произнесла Эрц.

– Вопрос взаимного доверия. Мы должны доверять друг другу. Ситуация слишком серьезна. Скажу прямо: над вашей планетой нависла угроза применения мощных ударных сил. Если нам не удастся решить вопрос тихо, сюда прилетит целая орава людей, для которых случайные жертвы среди коренного населения – не более чем легкое сотрясение воздуха. Обширные районы будут превращены в пылающую пустыню. Это с одной стороны. А с другой... с другой стороны, подобное решение может быть и отложено... тогда господин Крокер обратит всех вас в покорных и запуганных вассалов, безжалостно шелкая своим лазерным бичом. И ситуация будет напоминать кошмарный сон: планета превратится в поле нескончаемой битвы. На Рогнаре будут постоянно рубиться все кому не лень: и люди имперской СБ, и мерзавцы имперской мафии, и разъяренные россы, и торговцы-лидданы – все они будут пытаться извести Крокера при помощи стрелкового оружия. Если, конечно, Метрополия не даст разрешение на настоящую десантную операцию. А последствия десантной операции – оккупация планеты, установление имперского мандата. Вы боитесь мне доверять? Не верьте ни одному моему слову! Через полгода сюда пожалуют элегантные молодые люди в красивых зеленых мундирах, спяну выжгут полстолицы, забросают Фариер, Ягур, Аххид Малайяк и еще кого-нибудь – за компанию – фузионными бомбами, а потом будут шататься у вас под окнами в поисках сочных девочек и хорошеньких мальчиков. А оккупационная администрация объявит технологический мораторий сроком на сто лет. Это значит, что в течение сотни лет на планете не появится ни одного изобретения или усовершенствования. Поверьте, это очень действенная мера – в космос вы уже не выйдете. Никогда.

– Неужели вы на это способны? – подавленно выдал Комптен.

– Гм... В глазах всей Галактики Рогнар – планета, давшая приют опаснейшей пиратской группировке. И поверьте, в детали никто вдаваться не станет – это чистый бизнес, а где бизнес – там политика. А в политике имеют место обобщающие формулировки. Лейф Крокер блокирует оживленные звездные трассы, это – колоссальные убытки. Колоссальные! И в таком раскладе какая-то там судьба какого-то Айоранского Мира – да кому она интересна! Сейчас Крокера еще можно стереть в порошок – быстро и незаметно. Но через некоторое время это будет нереально. Он пустит корни, он закрепится везде, он превратит планету в бастион, и тогда или – или: либо страшная, всепоглощающая атака имперских легионов – и оккупация, либо постоянная пальба втихую, из-за угла, бесконечные секретные операции, нашествие скользких личностей на частных звездолетах – покоя не будет.

Они поверили. Вялый тон и ленивая жестикуляция Детеринга сделали свое дело. Я прекрасно понимал, что не будет ни первого, ни второго варианта – будет третий, хотя и самый дорогой. Систему просто блокируют: повесят кучу линейных башен – кольцо огромных космических фортов, которые станут отстреливать все, что приближается к системе. У Крокера не хватит кораблей, чтобы прорваться сквозь такое кольцо, а вот у колониальных кланов хватит денег на его создание. Они подобных затрат даже не почувствуют. Но они-то, конечно, умеют эти деньги считать...

Конфедераты поверили во всю эту душераздирающую ахинею, и Комптен осторожно поинтересовался:

– Чем мы можем вам помочь?

Глава 11. Военный совет

– С-стоп. – Ильмен Эрц помассировала виски и снова ткнула красивым сильным пальцем в карту. – Детеринг, вы абсолютно уверены, что батарея расположена именно здесь?

– Ну, – Танк пожал плечами, – компьютеры, конечно, иногда сходят с ума, но не в данном случае. Планетарные сонары находятся в непосредственной привязке к башням поражения и ракетным шахтам. Так что, уверяю вас, они именно там, зарыты в каменистых холмах. А что вызвало ваши сомнения?

– Двадцать лет назад в том районе упал наш транспортный дирижабль с грузом нефти, которую мы добываем в Аххид Малайяк. Я принимала участие в его поисках, и у нас возникла одна проблема...

– Ты имеешь в виду?.. – хмыкнул Гест. – А, помню... Совет Жрецов Малайяка хотел нам помочь, но из этого получился та-акой скандал!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.